

ЛЮБОВЬ ВСЕЛЯЕТ НАДЕЖДУ.
ДАЖЕ КОГДА ВЕСЬ МИР ПРОТИВ ТЕБЯ...

НЕ ДАЙ МНЕ УПАСТЬ

18+

ЭММА СКОТТ

Эмма Скотт
Не дай мне упасть
Серия «Freedom. Романтическая
проза ЭММЫ СКОТТ»
Серия «Не оставляй меня», книга 2

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61218186

Эксмо;
ISBN 978-5-04-112642-1

Аннотация

Тео

Когда ты ушел, мой мир будто рухнул. Я помню наше прощание и твои последние слова. Тогда я поклялся, что позабочусь о Кейси, хотя и не знал, как выполнить это обещание. Но, наверное, именно оно дало мне силы двигаться дальше. Двигаться вперед, чтобы исцелиться и жить вновь. Ведь там, где руины, есть надежда найти сокровище. Думаю, я его уже нашел.

Кейси

Я уехала в Новый Орлеан и считала, что это поможет мне забыться. Все еще пела, и люди аплодировали моему горю, но теперь было все равно. Ты возвращался ко мне в воспоминаниях, и твои слова жгли мне сердце. Я страдала. Но Тедди... Он нашел

меня и спас, вытащил из этого невыносимого ада. Наша боль сблизила нас. И я дала слово, что больше никогда не оставлю его.

Содержание

Благодарности	7
Посвящение	9
Плейлист	10
Часть 1	11
Пролог	12
Глава 1	20
Глава 2	38
Глава 3	55
Глава 4	66
Глава 5	76
Глава 6	91
Глава 7	98
Глава 8	112
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Эмма Скотт

Не дай мне упасть

Emma Scott

ALL IN

Copyright © 2016 by Emma Scott

Cover design: © Sandra Taufer Grafikdesign

© Абмаева С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Благодарности

Я хотела бы выразить огромную благодарность следующим людям за их поддержку, любовь и солидарность со мной в моих начинаниях.

Каждый из вас приложил руку к тому, чтобы воплотить эту книгу в жизнь. Мелисса Панио-Петерсен, Анджела Бонни Шокли, Джой Крибельсадовски, Эшли Дрю, Дженнифер Балог, Ноэми Хелоин, Элейн Глинн и Кэтлин Рипли. Говорят, чтобы вырастить ребенка, нужна целая деревня. Она также нужна, чтобы написать книгу, а вы, леди, – мое племя. Люблю вас всех.

Робин Хилл, спасибо за все-все. Нет слов, чтобы отблагодарить за все то, что ты для меня сделала. Совсем нет. И я говорю это как писательница, у которой их должно быть много. С большой любовью и благодарностью.

Моему мужу Биллу за его невероятную поддержку, за то,

что ты взял все заботы о детях на себя, пока я писала, и за то, что ты всегда верил в меня. Я буду любить тебя вечно.

Моим читателям, блогерам и друзьям в этом замечательном сообществе, без которых я не смогла бы этого сделать, да и не хотела бы. Я даю своим персонажам голос, но без вас их никогда не слышали бы. Спасибо.

И моему редактору, Сюанне Лакер. Спасибо тебе за тебя. За то, что держала компас на север. За любовь и храбрость. Ты есть вселенная, это несомненно.

Посвящение

Посвящается Дезире, которая хранит этих персонажей в своем сердце для меня, и Тому, младшему брату семьи. Ты – скала, на которую я всегда могу опереться.

Плейлист

«Way Down We Go» – Kaleo

«Like a River» – Bishop

«Unsteady» – X Ambassadors

«Love is a Losing Game» – Amy Winehouse

«Everything I Do» – Bryan Adams

«Arsonist's Lullaby» – Hozier

«Lil Darlin'» – ZZ Ward

«Love in the Dark» – Adele

«What a Wonderful World» – Louis Armstrong

Часть 1

Фул тилт (англ. *full tilt*) – с максимальной энергией или силой; на максимальной скорости.

Пролог

Тео

– Тео, дорогой, он хочет тебя видеть.

В моей ладони сжалась мягкая рука Кейси. Я посмотрел на девушку своего брата, и она подарила мне слабую ободряющую улыбку. Еще одно пожатие ее руки, и я каким-то образом нашел в себе силы встать.

Мама вяло улыбнулась, повиснув на руке отца в коридоре перед больничной палатой Джоны. Она выглядела такой потерянной и разбитой. Такой хрупкой.

Отец с мрачным выражением лица мужественно поддерживал маму. Джона служил связующим звеном в нашей семье. Без него мы развалимся на части. Это лишь вопрос времени.

Пришло время попрощаться с братом. Когда я подошел к двери его палаты, перед моим мысленным взором закру-

жился калейдоскоп картинок, каждая из которых поблекла от времени, как будто слишком долго лежала на ярком солнце.

Вот мы с Джоной кормим козу на ярмарке. А вот вместе ходим на уроки плавания. В форме нашей Малой Лиги. Прогуливаемся по школьным коридорам, где брат без особых усилий становится звездой, а я «вторым пилотом». Вот навещаю Джону в Университете Невады, затем в «Карнеги-Меллоне». А здесь мы вместе плаваем в Венесуэле.

Где он заболел... а я нет.

Захлопнув дверь, я подошел к умирающему брату. Худой, бледный, он казался лишь слабой тенью здорового парня из моего фотоальбома воспоминаний.

– Тео...

Мой брат. С трудом дышит. Изо всех сил старается держаться. В то время как я полон сил и готов разрушить стены этого проклятого места, сжечь весь гребаный мир из-за несправедливости ситуации.

Однако я оказался недостаточно силен, чтобы подойти к его кровати и попрощаться. Поэтому Джона выдавил слабую улыбку.

– Все так плохо, да?

– Бывало и похуже, – заметил я, наконец входя в комнату и садясь рядом с его кроватью.

– Ущипни меня. – Его смешок превратился в жуткий хрип, а пальцы дернулись на одеяле. У брата даже не оста-

лось сил поднять руку. Потянувшись, я сжал ее.

Улыбка Джоны потухла, и его взгляд – все такой же острый – встретился с моим.

– Я беспокоюсь... о маме. – Между неглубокими вдохами Джона выдавливал два-три слова за раз, так как его сердце не способно было прокачивать больше воздуха.

– Я позабочусь о ней, – пообещал я.

– А папа... он одумается... насчет твоего салона. Я... верю в тебя.

Я сомневался, что наш отец когда-нибудь поддержит мое решение работать татуировщиком, но в тот момент мне было достаточно Джоны и его веры в меня.

– Сейчас, – произнес Джона, пристально глядя на меня, – услуга... которую я хочу, чтобы ты оказал мне... помнишь?

Сидя в кресле, я подался вперед.

– Я слушаю.

– Кейси...

Слова будто застряли в моем горле. Я откашлялся.

– А что с ней?

– Ты любишь ее.

И пусть говорил он мягко и слабым голосом, но каждое слово ударило меня в грудь, словно молот. Я не мог ни рта открыть, ни двигаться, ни моргать. Внутри все горело, в душе закипала масса противоречивых эмоций, лишая меня кислорода, заставляя подавиться ответом.

Несмотря на то что я похоронил свои чувства глубоко

внутри, где они никогда не увидели бы дневного света и не предали бы моего брата... он видел все. Видел всегда, все это время.

Он улыбнулся моему шокированному выражению лица.

– Я рад... имею в виду, я так рад, что это ты...

Я почти нашел в себе силы сказать ему, что это не я...

Отрицать все. Что, черт возьми, я знаю о любви? Ни черта. В любом случае он ошибался.

Она никогда не полюбит меня, потому что любит только тебя. Так и должно быть.

– Услуга... – Джона впился в меня взглядом такой силы, которой не хватало его слабеющему телу. – Позаботься о Кейси. Пожалуйста. Ты ей понадобишься. Она сильная. Но если она упадет, помоги ей... люби ее, Тео. Жизнь... коротка. Не сдерживайся. Ладно?

Я молча кивнул. Только потому, что брат нуждался в этом, а вовсе не потому, что имел хоть малейшее представление, как выполнить его просьбу.

Джона облегченно вздохнул. Он уже совершенно вымотался и еще не видел Кейси, чтобы попрощаться с любовью всей своей жизни. Я не мог тратить их время впустую.

Время настало.

Я крепко стиснул зубы, чтобы не расплакаться, но слезы все равно потекли.

Скажи это. Сейчас или никогда. У тебя больше никогда не будет такого шанса.

– Я люблю тебя, – проговорил я сквозь стиснутые зубы.

– Я тоже, – признался Джона слабым и тонким голосом, – люблю тебя, и всегда буду любить.

Тоска обрушилась на меня, придавила к земле. Я пытался сдержаться. Нужно быть сильным. Для мамы, и папы, и для Кейси. Для Джоны, который просил исполнить его последнее желание.

– Позову Кейси, – сказал я, вытирая глаза.

Я уперся ногами и попытался встать, но смог только приподняться с сиденья. Продолжая держать брата за руку, я наклонился, чтобы прижаться к нему лбом, обнять в последний раз.

Мой брат...

Джона выдохнул мое имя.

– Я позабочусь о ней, – произнес я срывающимся голосом, – клянусь.

И пусть это была лишь половина обещания, но эту половину я мог сдержать.

Я не смогу отсюда выйти.

Но я это сделал. Покинул палату Джоны и прислонился к стене за дверью, чувствуя себя так, словно стою на корабле в бушующем море.

Вот и все. Я видел его и общался с ним в последний раз... я больше никогда не поговорю со своим братом. Никогда не услышу его голоса...

И его последние слова. *Люби ее...*

В зале ожидания я искал глазами Кейси, она словно якорь, за который хотелось ухватиться. Невероятно. Она упала с чертового неба, как бомба, взорвав нашу спокойную жизнь, разрушив рутину и нарушив планы Джоны. Сначала я боялся, что эта девушка бросит его, а когда стало ясно, что она не собирается этого делать, испугался, что ее присутствие причинит брату слишком много боли.

Ведь ему придется попрощаться с ней всего через несколько недель совместной жизни.

Исполненной грации походкой Кейси направилась к палате Джоны. Ее искаженное горем лицо светилось любовью.

Предсмертное желание брата эхом отозвалось в голове, и мой взгляд затуманился. На одну короткую, эгоистичную, жалкую секунду я позволил себе помечтать...

А потом раздавил надежду в лепешку. Убил ее.

Прости, брат. Она твоя, и останется твоей до конца времен.

Однако в моих силах позаботиться о ней. Впереди черные дни. Недели, месяцы. Возможно, годы. Как бы долго она ни нуждалась во мне, я всегда буду рядом.

Через месяц после похорон мне позвонила мама.

– Тео, дорогой, Кейси не отвечает. Я звоню уже два дня. – В трубке ее голос дрожал от паники. Она не выдержала бы еще одного удара. Я тоже.

Поэтому набрал номер Кейси. Автоответчик сообщил, что абонент больше не обслуживается.

Тогда я позвонил в «Луксор», куда ей удалось устроиться на работу после ухода из «Цезаря».

Приехал к ее дому и постучал в дверь. Никто не ответил. Я ударил сильнее, и на звук вышла ее пожилая соседка.

– Она уехала, молодой человек, – раздраженно заявила дама, – разве не видно? Ее машины здесь нет.

– Когда она уехала?

Женщина оценивающе сузила глаза.

– Две ночи назад. Как будто бежала от чего-то, словно украла собственные вещи. Очень нервничала.

От ужаса сердце на мгновение остановилось.

– Она что-то взяла с собой?

– Коробки. Чемоданы, – женщина провела руками по своему цветастому домашнему платью, – и эти странные стеклянные бутылки со шнурами, выходящими из них. Совершенно не имею понятия, как это называется...

– Лампы, – тупо проговорил я, – это были лампы, сделанные из старых бутылок виски.

– Как скажешь.

Я потерял щетину на подбородке. Напряжение покинуло мое тело, теперь его наполняла печаль.

— Она оставила у меня письмо, — сообщила соседка, — просила передать его только Беверли, Тедди или Генри Флетчерам. — Женщина пристально посмотрела на меня. — Ты один из этих людей?

— Я Тео Флетчер. — Я прочистил горло. — Она зовет меня Тедди. Называла. Называет.

— Подожди. — Женщина ушла к себе и вернулась обратно со сложенным пополам листком бумаги.

Я быстро пробежал по нему глазами.

Не могу здесь оставаться. Я пыталась, но это уже слишком. Люблю вас всех. Извините. Кейси.

Записка выпала из руки, как мертвый лист, качнулась в воздухе и упала к моим ногам. Соседка что-то тихо пробормотала и удалилась в свою квартиру. Я в одиночестве стоял на дорожке и смотрел на дверь Кейси.

«Прости, Джона», — подумал я, и с каждым ударом сердца слова звучали все громче и громче.

У меня была единственная задача. Даже не целая задача. Половина. И я не выполнил ее.

Глава 1

Тео

Через 6 месяцев после похорон...

Будильник зазвонил в шесть утра. Вытянув руку, я выключил его. Несколько секунд я чувствовал себя хорошо. Казалось, что все в порядке. А потом я вспомнил, что Джоны больше нет, и осознание этого словно кувалдой ударило меня в грудь.

Втянув воздух, я, не мигая, смотрел в потолок, пока накапывающие на меня волны грусти не схлынули. Стоило только этому произойти, я сразу же сбросил одеяло. Эти первые три секунды стали самой лучшей частью моего дня. А потом мне приходилось немедленно вставать. Продолжать двигаться, иначе я пролежал бы весь день в постели, как осел, стеная

и проклиная то, что все равно не в силах изменить. Просыпаться, выползать из-под одеяла и выгонять себя из кровати.

Тихий внутренний голос шептал, что мне лучше вычистить это внутреннее дерьмо и разобраться с ним, пока я не взорвался.

Я разбирался. Вставал. Шел на работу. Старался изо всех сил.

Спортивный костюм ждал меня на полу возле кровати, там, где я оставил его прошлой ночью. Я оделся и отправился на кухню за водой и протеиновым батончиком. Утреннее солнце отражалось от стеклянных пресс-папье на подоконнике – все они творения Джоны. Внутри одного из них словно был заключен кусочек кораллового рифа. Пробиваясь сквозь стекло, солнечные лучи, казалось, оживляли его. Это была любимая работа Кейси. Она как-то призналась мне, что ей показалось, будто внутри стекла тихо. Мирно. Водная композиция заставила ее почувствовать себя в безопасности, когда она впервые проснулась на диване Джоны.

Я заглянул внутрь шара и почувствовал, что задыхаюсь. В ловушке. Неподвижной, как морская жизнь.

На машине по дороге в спортзал я проехал мимо старого обиталища Джоны, а через три квартала – мимо дома Кейси. Теперь оба пусты. Если не считать стеклянных пресс-папье брата, занимающих мой подоконник, и написанной от руки записки, все, что им принадлежало, хранится на складе в северной части города.

Остановившись на красный свет, я мыслями вернулся к четырем нацарапанным строчкам ее послания. Обдумывал их, словно слова песни. С припевом, который гласил: я подвел Джону...

Гудок сзади встряхнул меня: красный свет сменился зеленым. Я резко нажал на газ, так что шины завизжали, но затем сбавил скорость и заставил себя остыть, прежде чем попаду в аварию.

В спортзале я таскал железо до тех пор, пока на руках не начали гудеть мышцы, а пот не заструился по лицу. Качал пресс, пока не почувствовал, что меня сейчас вырвет, а потом закинул штангу на плечи и приседал, пока не затряслись ноги.

Я тренировался целых два часа, пытаюсь с потом выгнать похороненные глубоко внутри чувства. Тело устало, и появилась сонливость, ведь в последние дни я не высыпался, но отдых в моем расписании не значился.

Я принял душ, надел джинсы и футболку и вернулся к себе, чтобы приготовить обед. Я уселся за кухонный стол и открыл учебник по управлению малым бизнесом. Слева от себя расположил огромный сэндвич с жареным яйцом, беконом и помидорами, а справа – ноутбук. Впереди были экзамены, и все, что связано с подоходным налогом, чертовски огорчало меня.

Три часа упорного изучения заставили меня почувствовать себя немного лучше. Во всяком случае, касаясь пред-

стоящих тестов. Я отложил учебник и ноутбук и спрятал их в шкаф на случай, если Оскар и Дена зайдут. Они всегда задавали миллион гребанных вопросов о том, собираюсь ли я вернуться в университет для получения магистерской степени, а я не хотел говорить об этом. Все это глупости.

Как будто тупая степень что-то изменит.

Едва я собрался идти на работу в «Вегас Инк», зазвонил мобильник, и на дисплее высветился номер матери. Как по расписанию.

– Привет, ма.

– Привет, дорогой. Прости, что отвлекаю тебя.

– Ты меня не отвлекаешь, ма. И никогда не будешь.

– Я просто хотела узнать, как у тебя дела.

Она звонила ежедневно. Редко по какой-то конкретной причине или с целью поделиться новостями, обычно просто чтобы не терять связь с единственным оставшимся сыном. Когда мы встречались вживую, она буквально «поддерживала связь»: ее рука тянулась ко мне всякий раз, когда я оказывался в пределах досягаемости. И я не винил ее за это, ведь сам делал то же самое с Джоной, после того как ему поставили диагноз.

– Милый?

Я резко вынырнул из своих мыслей.

– Прости, ма. Что ты спрашивала?

– Я спрашивала, есть ли у тебя новости от Кейси?

– По-прежнему ничего. Но уверен, что с ней все в поряд-

ке, — добавил я, как будто, черт подери, мог знать наверняка, после того как позволил ей сбежать.

«У тебя была единственная задача. Половина задачи».

— Я мечтаю, чтобы она хотя бы позвонила, — проговорила мама с показной легкостью. — Интересно, куда она уехала?

Я потер рукой место тупой боли в груди.

— Мне пора на работу, мам. Если я что-нибудь услышу о Кейси, то дам тебе знать.

— Хорошо, милый.

Сообразив, что не уделяю ей и минуты своего времени, я спросил:

— Как дела у вас с папой?

— Да ничего особенного, — ответила она. Боже, если бы она не говорила так, будто постоянно находится на грани слез. — Мы хотели бы пригласить тебя, Оскара и Дену на ужин в воскресенье.

— Конечно, звучит неплохо, — произнес я, стиснув зубы. Раз в месяц или около того мы собирались вместе, в основном потому, что чувствовали себя обязанными. Наш долг перед старыми воспоминаниями и лучшими временами.

Это было отстойно.

Обеды превращались в настоящую пытку, наполненную чопорными, натянутыми диалогами, преследуемыми смехом Кейси и голосом Джоны. Как бы громко мы ни пытались говорить или смеяться, их любовная история тянулась, как свет от одной из стеклянных ламп Джоны. Даже Оскар не мог

поднять настроение. Его гигантская фигура казалась меньше. Да и улыбка Дены стала мрачнее.

Моя мама все еще готовила, но часто позволяла кастрюлям закипать слишком сильно, зависая, глядя в пространство перед собой. Она похудела. И отец тоже. Он не отрывал глаз от матери, но редко смотрел на меня. А еще он почти не разговаривал со мной. Мы никогда не были близки, но Джона всегда наводил мосты между нами.

Без него пропасть, лежавшая между мной и отцом, стала больше. Расстояние, которое ни один из нас не пытался преодолеть.

Черт возьми, Джона, вернись и исправь все это, потому что я, блин, не могу.

– Я дам знать Оскару и Дене, – пообещал я маме, бросив взгляд на входную дверь и потеряв ключи от машины в руке.

– Как твои занятия в университете?

– Нормально. Скоро важные экзамены.

– Я так горжусь тобой, Тео. Я думаю, это замечательно, что ты продолжаешь учиться. Просто подумай, какие двери откроются перед тобой через год, когда получишь диплом.

– Спасибо, мам, – сказал я, стараясь не выдать своего раздражения.

Если не углубляться, то это хорошо, что мама гордилась мной, однако она все еще не смирилась с тем, что я собирался открыть тату-салон. Ей не казалось это хорошей идеей.

Хоть мама и относилась ко мне благосклоннее, чем отец, но я не питал иллюзий, что ей не терпится увидеть, как я трачу завещанные братом деньги на место с громкой музыкой и «красочными персонажами», где стану рисовать пылающие черепа и розы дни напролет.

– О, Тео, дорогой, ты не мог бы заглянуть в магазин сегодня днем? У меня кончились молоко и яйца.

Я стиснул зубы. Если идти после работы, могу опоздать на занятия. Поэтому чтобы заскочить к родителям, следовало ехать сейчас, а потом уже отправляться на работу. Поздно.

– Папа сегодня опять работает? – натянуто поинтересовался я.

– Именно, – она вздохнула, – ты же знаешь, какой он в последнее время.

– Да, знаю. – Я потер ладонями глаза. – Я зайду в магазин перед работой. Будь дома через тридцать минут.

– Спасибо, дорогой. Ты так обо мне заботишься.

– Мне надо идти, ма. Увидимся через несколько минут.

– Замечательно, милый. И, Тео?..

– Да?

– Если Кейси позвонит, скажи ей, что я на нее не сержусь. Скажи ей... скажи ей, что я просто хочу знать, что с ней все в порядке.

– Конечно, мам.

Я повесил трубку и долго смотрел на экран, желая, чтобы

он зазвонил снова, чтобы высветился номер Кейси, и я смог услышать ее голос. Мне хотелось знать не больше, чем моей матери: что с ней все в порядке.

В тот день в «Вегас Инк» было очень шумно. В нашей маленькой приемной две цыпочки сидели, склонившись над альбомом с образцами изображений, и еще один парень стоял, прислонившись к стене. Музыку сегодня выбирал Эдгар, так что жужжание тату-машин едва слышалось из-за грохочущего дэт-метала.

Когда я ворвался внутрь, Вивиан, наша секретарша, бросила на меня лукавый взгляд.

– Ты опоздал.

– Извини, Вив, – сказал я, просматривая ее ежедневник на предмет назначенных встреч, – только не говори Гусу.

– Я никогда этого не делаю, но он слышал жалобы от клиентов, милый.

Я пожал плечами. Ничего уже не поделаешь. Моя мать, хотя и вполне самостоятельный человек, ушла в себя. Как котенок, которого ткнули носом в горячее молоко, она теперь

вообще отказывалась высовываться. А папа снова ударился в работу, как будто он незаменимый член городского совета, а не чиновник с тридцатилетним стажем на грани отставки.

Кому-то следовало позаботиться о маме. Но иногда, как сегодня, например, я понимал, что слишком много взваливаю на свои плечи. Я устал, и рано или поздно начну ронять поклажу. Гус, владелец «Вегас Инк», после того как уволит меня за вечные опоздания, рухнет на пол первым.

– Эти двое ждут тебя, – Вивиан кивнула обритой налысо головой в сторону двух молодых женщин. На ее покрытом пирсингом лице застыло понимающее выражение. – Новые клиентки. Обе просили именно тебя.

– Наверное, кто-то посоветовал, – пожал плечами я.

– Ага, – Вив прошлась взглядом по моей черной футболке и джинсам, – должно быть, пошли слухи о твоей впечатляющей работе над телом... над телом клиентов, конечно же.

Я закатил глаза и, уяснив, что сегодня у меня все расписано до шести часов, закрыл ежедневник.

– Да ладно, это забавно, – протянула Вив, наклоняясь над столом и поигрывая ручкой. Татуировки покрывали каждый дюйм ее кожи до самой шеи и ползли вверх по затылку. Она сжала один из моих бицепсов. – К тому же это правда. Кто-то уделяет спортзалу больше времени, чем обычно. И я не единственная, кто это заметил.

Вив потерлась подбородком о свое плечо, переведя взгляд на одну из мастеров, Зельду Росси. С тату-машинкой в руке

эта невысокая женщина склонилась над кушеткой. Длинные черные волосы упали, словно занавес, закрывая ее лицо. Она подняла голову и вытерла выступившую на лопатке клиента кровь. Встретившись со мной взглядом больших зеленых глаз, она широко улыбнулась, показала мне язык и вернулась к работе.

Вивиан ухмыльнулась.

– Должно быть, это очень утомляет, когда на тебя бросается столько женщин.

– Мне не на что жаловаться, – проговорил я с самодовольной ухмылкой, – дай мне минутку, а потом отправь их ко мне.

– Конечно, малыш.

«Вегас Инк» представлял собой небольшую комнатку. Ярко-красная краска и черно-белый клетчатый пол визуально делали помещение только меньше.

Мой салон был бы другим. Темные цвета, старая мебель и картины на стенах от неординарных, маргинальных художников, таких как Эдвард Гори и Энн Харпер. Гостиная в доме с привидениями.

Мой салон...

Джона оставил мне денег на его открытие, поэтому я записался на бизнес-курсы, чтобы убедиться, что не облажаюсь. Тем не менее мысль о том, чтобы решиться и купить помещение, вызывала у меня тошноту. Если потерплю неудачу, у меня ничего не останется от брата. Он продал свою работу,

чтобы подарить мне мечту, но вдруг предприятие пойдет ко дну? Вдруг никто не придет? Я уже потерял Кейси. Нарушил данное обещание. Я не вынесу еще одного гребаного провала.

Эдгар, огромный, неуклюжий парень в слишком обтягивающей его тушу концертной футболке, поднял глаза от своего клиента и кивнул мне.

– Эй, Ти, как дела, как жизнь, чувак?

– Все по-старому, все по-старому, – ответил я, доставая тату-пистолет и салфетки из второго ящика шкафа. Когда первая клиентка рассказала, что ей нужно, я настроил чернила и выбрал иглы.

– Не хочешь потусить сегодня вечером? Мы с друзьями собираемся посмотреть на выступление Killroy в клубе Рону.

Я вздрогнул, но скрыл это за кашлем.

– Нет, я занят.

– Свидание с горячей цыпочкой? – нахмурился Эдгар, глядя на меня, пока его клиент использовал ручное зеркало, чтобы осмотреть обвивающего его икру дракона.

– Ага, – подтвердил я, краем глаза заметив, как Зельда метнула взгляд в мою сторону и снова склонилась над своей работой.

Эдгар усмехнулся.

– Только не говори мне, что это та рыжая, которая была у тебя на прошлой неделе. Роза и кинжал, правая лодыжка?

– Возможно.

Эдгар присвистнул.

– Ты бабник, Флетчер. Вообще не меняешься.

Две девушки из зала ожидания подошли к моему рабочему месту. Блондинка устроилась в кресле, а ее подруга уселась рядом и взяла ее за руку.

Они обе были горячи и изо всех сил флиртовали со мной. Я делал все возможное, чтобы ответить взаимностью, потому что за нами наблюдал Эдгар.

Когда двадцать минут спустя блондинка покинула кресло, на внутренней стороне ее запястья красовалась изящно выведенная надпись «Оставайся верной себе». Они с подругой пригласили меня на вечеринку.

– Возможно, я и зайду, – произнес я. А потом с нарастающим раздражением ожидал, пока они закончат хихикать и настаивать, чтобы я достал телефон и записал их координаты. Пришлось сделать вид, что большим пальцем создаю новый контакт в телефонной книге, и только после этого мне позволили сунуть мобильник обратно в задний карман джинсов.

– Надеюсь, у тебя получится заглянуть, – бросила блондинка через плечо перед уходом.

Стоило им покинуть помещение, Эдгар рассмеялся и покачал головой.

– Я думал, у тебя сегодня свидание?

– Возьму ее с собой на вечеринку, – пожал я плечами.

– Ты мой герой, Ти, – громоподобно рассмеялся он.

Нет, я лживый мудака.

Давным-давно я бы набрал этот номер, как только вышел с работы, и, вероятно, почти не спал в эту ночь. Теперь же горячая блондинка и ее подруга интересовали меня не больше чем прогноз погоды. Но пусть все думают, что я каждый вечер встречаюсь с разными девушками, это лучше правды. А правда заключалась в том, что с тех пор, как несколько месяцев назад услышал пение Кейси у костра, я пропал.

Я закончил с клиентами, и когда мы убирали свои рабочие места, Эдгар дернул подбородком в мою сторону.

– Наслаждайся свиданием с рыжей, – посоветовал он, – или с блондинкой. Или с рыжей и блондинкой. Завтра мне нужен полный отчет.

– Ты его получишь, – пообещал я, натягивая кожаную куртку, – если они меня не утомят.

Эдгар рассмеялся, а Зельда вздрогнула. Я улыбнулся ей, слегка качая головой и пытаясь показать, что все это чушь собачья. До меня доходили слухи, что с тех пор, как начала работать здесь год назад она влюблена в меня. Мне эта девушка не была противна, но я не встречался с коллегами. Атмосфера на работе сразу портится, если дела идут плохо, а со мной и женщинами всегда так.

– Спокойной ночи, Зи, – попрощался я.

– Тебе тоже, Ти, – ответила она, подняв голову, и одарила меня сухой улыбкой, – бабник.

Мы с Эдгаром рассмеялись, но стоило мне повернуться

к нему спиной, улыбка начала сползать с моего лица. Когда я покинул тату-салон, она упала, словно маска, и разбилась вдребезги на тротуаре.

В бизнес-школе Ли университета Невады я слушал, как профессор рассказывала о налоге на зарплату и идентификационном номере работодателя. При этом ни разу не запутался. И все понял. Улавливая смысл учебного материала, я испытывал едва ли не гордость. Как будто сделал что-то стоящее.

– Напоминаю еще раз, – проговорила профессор Хадден из-за кафедры, – результат этого промежуточного экзамена составит целых сорок пять процентов от вашей итоговой оценки. Вы не сможете, да и не захотите проходить этот курс, если пропустите или провалите этот экзамен. Договоритесь о консультации со мной, если считаете, что любой из двух сценариев возможен.

Я шел к парковке, мысленно празднуя победу. Я не собирался потерпеть неудачу. Никаких шансов на провал.

Телефон подал сигнал входящего сообщения. От Оскара.

Хочешь встретиться сегодня вечером? Я не скучаю по тебе, но Дена скучает.

Я хихикнул, прочитав это двусмысленное предложение. Как давно мы не виделись с друзьями. В первую очередь они были друзьями Джоны — его лучшими друзьями, — и качество общения с ними стало таким же, как и ужин у родителей: казалось, повсюду витают призраки прошлого. Поэтому я ответил:

Не могу, у меня свидание.

Я должен был догадаться. Попробуем на следующей неделе?

Конечно.

Как же легко стало говорить неправду. Я лгал коллегам, лгал друзьям. И меня уже почти не мучила совесть по этому поводу.

После смерти Джоны все отдалились друг от друга. Брат был центром нашей проклятой вселенной, и без него мы начинали терять то притяжение, которое удерживало всех на одной орбите. Оскар и Дена пытались. Мама пыталась. А я не мог взять себя в руки и начать улыбаться, смеяться и нести чушь во время светской беседы. Требовалось слишком много усилий, чтобы справиться с горем. Горем от потери Джоны, а потом и Кейси.

Вырулив с университетской стоянки, я направил автомобиль по боковым улочкам, идущим параллельно Стрип. Они вели к отелю и казино Wynn. Припарковавшись, я постучал

в дверь служебного входа.

Меня знали все охранники.

– Добрый вечер, Тео, – сказал дежуривший сегодня Уилсон, приглашая войти.

– Привет.

Служебными коридорами я миновал внутренние помещения отеля и спустился к бетонному коридору, освещенному ярким флуоресцентным светом. Глаза в небе следили за мной, но их взгляд был доброжелательным. Никто не станет меня допрашивать. Эме Такамура, куратор галереи, позаботилась об этом.

Три поворота направо, один налево, и я толкнул тяжелую дверь, выходя из лифта на первом этаже. Проскользнул по коридору мимо казино, которое никогда не закрывалось.

Поли стоял на страже у запертых дверей галереи. Несколько часов назад он прогнал последних посетителей.

– Как дела, Ти? – спросил он, набирая код на клавиатуре. Красный свет сменился зеленым.

– Не жалуюсь, – ответил я, – спасибо, приятель.

Поли сморщил смуглое лицо со светлыми усами в слабой грустной улыбке и, толкнув дверь, придержал ее для меня.

– Желаю хорошо провести вечер.

Я кивнул и шагнул в галерею.

После похорон я добросовестно посещал это место каждый вечер. Потом каждый второй. А в последнее время придерживался графика три-четыре раза в неделю. Когда у ме-

ня был дерьмовый день или когда слишком сильно скучал по брату, я приходил сюда.

Отдельные стеклянные изделия Джоны давно исчезли, распроданные и живущие теперь в сотнях разных домов. Длинную часть изогнутой в виде буквы «г» галереи сейчас занимали скульптуры какого-то местного художника, пользующегося огромной популярностью. Я не удостоил их даже взглядом. Направляясь к короткой части помещения, я завернул за угол. Здесь в качестве постоянной экспозиции инсталляция Джоны поднималась, как приливная волна, на дальней стене. Солнце, всегда яркое и светлое, обрушивалось на водную гладь, а морская живность, казалось, была готова в любой момент двинуться с места.

Я занял свое обычное место на скамейке напротив и приклонился спиной к стене. Скрестив руки на груди, погрузился в работу Джоны. Идеальная работа. Безупречная. Таким перед моим мысленным взором представал и Джона: идеальный старший брат, который не мог сделать ничего плохого своему младшему. А тот, в свою очередь, боготворил землю, по которой он ходил.

Я крепко зажмурился напротив этого совершенства. Уверен, будь здесь Джона, он бы сказал мне, что это не моя вина. Он бы сказал, что Кейси – взрослая женщина, которая сама может принимать решения.

Иногда я ему верил. Иногда галерея становилась моим убежищем, стеклянным собором, где я обретал покой. Та

же безмятежность, которую Кейси обнаружила в стеклянных пресс-папье Джоны.

Иногда.

Сегодня ночью покоя не находил. Потому что дал брату обещание и не сдержал его.

Я заставил себя открыть глаза и посмотреть на шедевр Джоны.

Яркие цвета потускнели под моим неподвижным взглядом. Синевая моря спускалась с потолка и заливала пол. Я чувствовал запах соли, холодную воду на своей коже и жжение в глазах, будто слезы. Бесконечный океан слез.

Глава 2

Кейси

– Эта песня из моего альбома «Shattered Glass»¹. Она называется «The Lighthouse»², надеюсь, вам понравится.

Публика в Le Chacal одобрительно захлопала в ладоши и засвистела. Приглушенные разговоры прекратились. Стук льда в паре стаканов, и небольшой джаз-клуб погрузился в тишину. Ожидание.

Честно говоря, мне было наплевать, понравится эта песня публике или нет. Просто показалось, что я должна хоть что-то сказать. На самом деле, для меня это произведение больше, чем просто «эта песня из моего альбома».

Мой альбом. Большое, черт возьми, дело. Я и мой альбом. Как будто это осязаемый предмет – упакованный ком-

¹ «Разбитое стекло», *англ.*

² «Маяк», *англ.*

пакт-диск или даже цифровые файлы – а не двенадцать нацарапанных в блокноте текстов и быстро написанная музыка. Я пела свои песни на сцене и называла это альбомом. Люди платили за то, чтобы попасть в клуб, а я получала свою долю. Четыре разных клуба, четыре вечера в неделю. И поскольку в этих заведениях я собирала полные залы, суммы получались приличные. Их хватало, чтобы придерживаться распорядка. Теперь и у меня был этот самый распорядок.

Поправив гитару, я едва не опрокинула подставку для микрофона. Пол лениво вращался под табуретом, на котором я сидела, а сценические лампы причиняли боль. Огромные пушистые сгустки света жгли зрачки. Зрители превратились в размытые силуэты напротив. Я закрыла глаза. Да мне и не нужно было ничего видеть. Взявшись за гриф, я правой рукой нащупала струны, и зазвучала песня.

Распорядок.

Мое тело знало, что делать, и казалось, что, независимо от того, насколько я пьяна, оно всегда помнит. Мышечная память, или, может, что-то другое. Может быть, когда песня идет из самой глубины души, она становится частью вас. Я играла каждую ноту и пела каждое слово «Маяка», не думая больше о том, чем платила за дыхание.

Лады. Струны. Играть. Песня. Дышать. Четыре вечера в неделю. Со среды по субботу.

– Забавно, что у нас одинаковый график работы, – заметил он, – со среды до вечера субботы.

– Я попросила эти дни, – сказала я, – самые лучшие смены.

– Так оно и есть, – улыбнулся Джона.

В груди все сжалось, и слезы стали жечь закрытые глаза. Через шесть месяцев я должна была привыкнуть к тому, как он иногда подкрадывался ко мне в мыслях. Обрывками разговоров. Кусочками воспоминаний.

Короткими моментами.

Джона.

Теперь я плакала, но зрителям это нравилось. Они ожидали этого. Слезы были частью выступления. Меня называли *La Fille Submergée*. Утонувшая Девушка.

Я плакала так, чтобы усилить эффект от песни, не нарушая и не прерывая ее. По крайней мере, так мне однажды сказала одна девушка в туалете на Бон-Бон – моем субботнем концерте. В итоге я сделала слезы и резкие вздохи частью своего образа.

Ей посчастливилось увидеть мой образ.

«Что за чертова мерзость», – хотела я ей сказать. Джона мертв, а я превращаю это в образ.

Я закончила исполнение, и аплодисменты заглушили мое бормочущее «спасибо». Соскользнув с табурета, я осторожно двинулась через весь зал, более чем готовая к своему коктейлю после шоу.

– Разговорная часть сегодня была хороша, детка, – прокомментировал Большой И, когда я заняла зарезервирован-

ное за мной место в углу. У бармена была коротко подстриженная рыжевато-русская борода и идеально выбритая голова. Его настоящее имя Майк Будни, но все звали его Большой Изи, или Большой И. Он напоминал мне Хьюго, телохранителя клуба Рону в Вегасе: большой и устрашающий снаружи, но с полным беспорядком внутри.

– Когда ты пригласишь кого-нибудь из своих друзей послушать, как играешь? – спросил он. – Или родных?

Каждый вечер, когда работала в Le Chacal, Большой И пытался вытянуть из меня какую-нибудь личную информацию. Он открыто беспокоился обо мне и никогда не оставлял попыток раскопать хоть какой-то намек на мое прошлое.

– Опять допрос с пристрастием? – Я покосилась на бармена снизу вверх. Подсвеченная полка с бутылками алкоголя позади него притянула мой взгляд. – Мне следовало бы называть тебя Шерлок.

– Ты и так называешь меня Шерлоком, – тихо посетовал он, – просто никогда не помнишь.

Я фыркнула от смеха и сделала глоток своего напитка.

– Мои родственники заняты, – запинаящимся голосом сообщила ему, – а ты – мой друг. – Я одарила его слабой игривой улыбкой. – Ты всегда слушаешь, как я играю. Что еще мне нужно?

– Очень много, сладенькая, – мрачно ответил Большой И, – тебе нужно очень много. Тебе нужна помощь.

Помощь.

Несмотря на любопытство и не очень тонкое вмешательство, он никогда раньше не произносил этого слова. С тех пор как я уехала из Вегаса и оборвала контакты со всеми, кого знала, я также не слышала этого.

«Мне нужна помощь».

Я фыркнула, допила виски и через стойку подтолкнула стакан к бармену.

– Если хочешь помочь мне, то налей еще один.

– Последний, – отрезал Большой И, наливая виски на дно стакана. – Я не отстану от тебя, Кейси.

Я отсалютовала ему бокалом и сделала глоток, а следом болезненно заскрежетала зубами о стеклянный край, разрушая видимость благополучия, которую пыталась изобразить.

– Ох, черт.

– Ты в порядке? – поинтересовался голос слева от меня. Молодой симпатичный парень с татуированными руками и зачесанными назад волосами скользнул на барный стул рядом. – Кажется, тебе было больно.

– Все зубы целы, – пробормотала я, потягивая напиток.

– Вот и хорошо, – сказал парень, – у тебя очень красивая улыбка.

Я фыркнула.

– Неужели, правда, что ли?

– Вообще-то я не знаю, – ответил парень, – утопленницы не улыбаются, но я бы хотел попробовать изменить это. – Он сверкнул обаятельной улыбкой и протянул руку: – Меня

зовут Джесси.

– Кейси. – Я подала ему руку, а потом попыталась вытащить ее обратно, но парень крепко держал ее.

– Обожаю твои татуировки, – проговорил он, разглядывая колючие лозы, ползущие по свободному рукаву моей блузки с открытыми плечами.

– Даже не помню, как их набивала, – сообщила я, решив не лгать, и убрала руку.

Большой И наблюдал за нами, протирая стакан белой тряпкой. Парни постоянно приставали ко мне. У них не имелось ни малейшего шанса пойти со мной домой или даже пригласить меня на свидание, но я позволяла им попробовать. Слушая их неудачные реплики или искренние попытки узнать меня, я вспоминала другое время. Другую девушку.

Девушку, которой я была до Джоны.

Теперь же опустошенной развалине, в которую я превратилась, даже мысль о прикосновении мужчины стала противна. Но иногда они покупали мне выпивку. А поскольку в последнее время Большой И вел себя особенно глупо по поводу моей квоты на коктейли, я немного выпрямилась и одарила Джесси своей версией улыбки – слабым изгибом губ. Я притворилась, что заинтересовалась татуировками, покрывающими его красивые мускулистые предплечья, и через несколько минут передо мной стояла свежая выпивка, и мы поднялись на ноги, сравнивая наши татуировки. Будучи чертовски пьяной, я вела себя очень, очень неосторожно.

Продемонстрировала Джесси крошечные черные звездочки, разбросанные по среднему и безымянному пальцам.

– Это первые. Я сделала их в Сан-Диего, на океанском пляже. – Я показала ему средний палец. – Я выбрала именно это место. Большое «иди на хрен» моему отцу.

– Очень мило.

Я провела пальцем вверх по виноградной лозе на руке.

– Эта тоже родом из Сан-Диего.

– Значит, ты все-таки помнишь, – засмеялся Джесси.

– Милый, если ты купишь нам еще по одному коктейлю, и я вспомню все, что захочешь.

Я бы съежилась, если бы стала жертвой такого небрежного, фальшивого флирта, но в этом и прелесть быть пьяной – гораздо проще не обращать внимания. Собственно, это единственный плюс. Единственная и неповторимая сияющая истина.

Джесси купил еще один напиток. Я еще больше опьянела, и мы сравнивали тату, как солдаты сравнивают боевые шрамы. Он приподнял свою темно-синюю футболку, чтобы похвастать красивой скульптурной грудью и прессом, хотя мог бы быть покрыт родинками и фурункулами, меня бы это не волновало. Повернувшись на стуле, он обратил мое внимание на медный футбольный шлем, набитый на его правой лопатке.

– Это был мой первый раз, – признался он, – из Jake's up на Канал-стрит.

Его затуманенный взгляд скользнул по моей обнаженной правой ключице.

– Покажи мне еще одну, Кейси, – попросил Джесси, вероятно, думая, что его голос звучит соблазнительно. Черт, в другой жизни это было бы именно так, и я бы забралась к нему на колени, пока Большой И не выгнал бы нас за неподобающее поведение.

А сейчас, подыгрывая ему, я потерлась подбородком о свое голое плечо и заявила:

– Я не могу. Чтобы показать, придется снять с себя одежду.

Голубые глаза Джесси остекленели.

– Я переживу это.

– Ммм, – промычала я, закрывая глаза, чтобы комната перестала вращаться. Нехорошо так себя вести. *Я должна остановиться. Мне нечего ему дать.* – Там ничего нет, – пробормотала я, эти слова словно выпали из потока мыслей, медленно прокручивавшихся в моем пропитанном виски мозгу. – У меня должна была быть еще одна тату здесь, – я снова потерлась подбородком о плечо, – но я так и не смогла выбрать что-то из предложенных вариантов. Ни один из них. Я ушла до того, как Тедди набил мне татуировку.

Это имя заставило меня вздрогнуть, поэтому я продолжала говорить, чтобы утопить его в море бессмысленных слов.

– Я не знала, чего хочу, и оставила это место пустым. Ушла ни с чем. У меня ничего нет. Потому что я ушла. Долж-

на была остаться, но ушла.

У меня на глазах выступили слезы. Хотя я и известна как Утонувшая Девушка, но плакать в процессе того, как со мной флиртуют, – это уже слишком. Джесси провел рукой по губам, сам не слишком трезвый и неуверенный, что ему делать дальше.

– Эй, все в порядке. Так что... – Его улыбка стала неприлично яркой. – Ты любишь футбол?

Большой И навис над стойкой бара, больше похожий на вышибалу из мотоклуба, чем на бармена в джазовой забегаловке.

– Все, отстань от нее, приятель, – сказал он Джесси. – Ты меня услышал?

Джесси кивнул и с кислым выражением лица соскользнул с барного стула.

Он потратил двадцатку, угостив меня виски с верхней полки, на которой стояли лишь дорогие напитки, но не спорил с Большим И.

Когда перевел взгляд на меня, выражение лица этого рыжего бородача смягчилось, и он стал выглядеть гораздо дружелюбнее.

– Вызвать тебе такси, милая?

– Спасибо, – прошептала я, кивая.

Большой И позвал помощника, чтобы тот прикрыл его, и пронес меня и мою гитару через тусклые коридоры Le Chacal к обочине снаружи. Вот таков мой распорядок дня в вечер

четверга.

Ночью в Новом Орлеане становилось прохладно и ветрено, неоновая вывеска Le Chasal ярко выделялась на фоне кирпичного фасада. Пока мы ждали такси, я пыталась собраться с духом, но земля все время будто уходила из-под ног. Еще один глоток, и я смогу потерять сознание. Интересно, что будет, если это произойдет? Неужели я окажусь на заднем сиденье лимузина Джоны?

– Отвези меня туда, Большой. – пробормотала я невнятно, – туда, где он сейчас. Это единственное место, где я хочу быть.

– Кто он? Тедди?

– Нет, – моя голова наконец-то перестала трястись, – хотя возможно. По нему я тоже скучаю. Я скучаю по ним всем. Но я ушла, и... это конец истории.

Большой И крепче сжал мою талию, когда такси подъехало к нам.

– Ты ведь приехала сюда из Лас-Вегаса, верно? По-моему, ты уже говорила об этом однажды.

– Ну и что?

Проигнорировав вопрос, он назвал таксисту мой адрес и помог мне устроиться в автомобиле. Нечто странное промелькнуло в холодном выражении лица Большого И, и это мне не понравилось. Даже будучи пьяной почти до потери сознания, я чувствовала, что он что-то задумал.

– Ты что, собираешься рассказать об этом Руфусу? Поз-

волишь потерять мне работу здесь?

— Никогда, — ответил Большой И, навалившись всем телом на открытую дверь. — Но я же говорил тебе, милая. Я не отстану, пока не узнаю все.

Он захлопнул дверцу и стукнул кулаком по крыше кабины, призывая водителя двигаться. Я откинулась на спинку сиденья, ощущая, как смутное беспокойство гудит во мне, вызывая зуд по всему телу.

По ту сторону автомобильного стекла виднелся Французский квартал — мрачное пятно, однако не настолько темное, как ряд узких, маленьких домов в моем Седьмом округе.

Вегас был коричневым. Бежевым. Бледно-желтым и светло-голубым. Новый Орлеан носил цвета времени и яркой истории. Облупившаяся красная краска, обнажавшая белые стены. Повсюду зелень: зеленовато-коричневая река, зеленая заводь, зеленый воздух, густой от влажности. Зеленые растения, кусты и плакучие ивы.

Я споткнулась на короткой дорожке, ведущей к входной двери моего дома. На крыльце было темно, поэтому потребовалось три или четыре попытки, чтобы вставить ключ в замок.

Светильники, сделанные Джоной из бутылок виски, уже давно перегорели.

Внутри своего крошечного жилища я завалилась на диван, роняя на пол сумку и гитару. А потом откинула голову на подушки и закрыла глаза.

Красота есть везде, даже в тех вещах, которые пугают вас больше всего...

Проснувшись, я тяжело вздохнула, потому что лежала на своем диване, а не на диване Джоны.

Ни уродливого зелено-оранжевого пледа на плечах, ни стеклянных пресс-папье на кофейном столике. Часы на стене показывали, что я находилась в отключке двадцать минут. Отрезвляющие двадцать минут. А может быть, это слова Джоны эхом отдавались у меня в ушах.

Красота в вещах, которые пугают вас больше всего.

Больше всего я боялась впустить в себя эту боль. Или, вернее, она уже была во мне. Жила внутри. И чтобы она не разорвала меня на мелкие кусочки, мне следовало затолкать ее как можно глубже, утопить.

Я пошла на кухню, чтобы выпить стаканчик перед сном. Из-за необычной планировки мой дом назывался «дом-ружье». В былые времена можно было прицелиться из ружья от входной двери и выстрелить прямо в заднюю. Комнаты в здании располагались в ряд: гостиная, кухня, спальня и ванная комната. Прямая линия к заднему крыльцу. Простой маршрут, сложно заблудиться. Немаловажно для жилища, в котором хозяин круглосуточно подшофе.

Я открыла кухонный шкафчик, в котором хранилось больше бутылок, чем еды. Моим ночным коктейлем была водка со льдом и небольшим количеством воды. Я отнесла стакан в свою спальню.

Как и всю квартиру, спальню я обставила подержанной мебелью. Предметами, которые купила на блошиных рынках, когда только сбежала из Вегаса в Новый Орлеан. В них сквозило очарование потертого шика, о котором словно кричали товары из отдела «Дом и сад», но моя мебель выглядела скорее потертой, чем шикарной.

Мне нужен был диван, чтобы сидеть на нем, а иногда спать, если не удавалось добраться до спальни, и поэтому я купила диван. Оранжевый. Мне нужно было кресло, поэтому я купила кресло. Голубое. На деревянном полу лежал разноцветный ковер. Черт возьми, даже фасад моего дома был выкрашен в морской зеленый цвет с небесно-голубой отделкой и темно-бордовой дверью. Цвета повсюду, как и во всем остальном городе. За исключением одного места.

Я прошаркала в спальню и включила маленькую лампу на ночном столике. На белом покрывале, прямо посреди кровати, стояла Стеклянная Вселенная, которую сделал для меня Джона. Темный шар из мерцающих черно-синих и светящихся звезд. Поглощающая меня черная дыра в центре белой вселенной. Она упивалась бледно-желтым светом лампы. Планета в центре мерцала красным и зеленым.

– Сегодня была хорошая ночь, – проговорила я, сбрасывая туфли. Едва не потеряла равновесие, но быстро нашла его вновь, лишь пролив немного водки на запястье. – Четыреста баксов с чаевыми. Полный зал народу. Ты должен был это видеть.

В ванной я поставила коктейль на раковину и воспользовалась туалетом, затем вымыла руки. Отражение в стекле представляло собой жуткое месиво из размазанной туши, спутанных волос и бледной кожи.

«Джона вряд ли узнал бы тебя».

Короткая, слабая мысль просочилась из того места, в котором ненавидели, во что я превратилась. Упрямый инстинкт самосохранения, который пытался вырвать меня из опьянения. Это никогда не срабатывало.

– Джона узнал бы меня когда угодно, – отрезала я и схватила стакан. И лишь осушив его, вернулась в спальню.

Кубики льда звякнули, когда я поставила стакан на тумбочку. Алкоголь холодно скользнул в мой желудок, смешиваясь со всем остальным, что я выпила сегодня днем и сегодня ночью, и во все дни и ночи последних нескольких месяцев.

Теперь комната вращалась еще быстрее. Я попала в сладкое место, где спиртное быстро отключало сознание и где любые виденные мной сны оказывались слишком скользкими, чтобы ухватиться за них и помнить, когда проснусь.

Я убедилась, что фляги в тумбочке достаточно, чтобы начать утро, или ранний день, будет зависеть от того, как поздно я встану. После выступления очень легко продолжить веселиться. Уж я-то точно знала, занимаясь этим каждую ночь после выступлений с Rapid Confession. Однако быть постоянно пьяной и все еще продолжать функционировать – это

целая наука.

Ну, или что-то вроде этого.

Я вроде как «функционировала». Имела работу, на которой не обязательно быть трезвой. Придерживалась распорядка, частью которого было опрокинуть стаканчик перед сном, приготовить похмельную утреннюю фляжку и свернуться калачиком рядом с шаром, чтобы рассказать Джоне о том, на какое дно я опустилась.

Я легла на кровать, ощущая, будто тело весит тысячу фунтов. Уложила ноющую голову на белое одеяло и свернулась калачиком вокруг шара. Подняв колени и согнув руки, я прижала вселенную к груди, поближе к сердцу.

– Руфус, владелец... он говорит, что меня хотят видеть в Le Chacal чаще, чем раз в неделю. Обо мне начинают ходить слухи. Но у меня же есть распорядок, верно? Четыре разных клуба, четыре ночи. Нельзя слишком привязываться к какому-то одному месту.

Я на мгновение закрыла глаза, чувствуя, как меня захлестнул стыд.

– Но я не могу так больше. Не могу продолжать в том же духе. Это убивает меня. Я должна уйти, не так ли? Но я не знаю, как это сделать.

Помоги мне, Джона.

– Большой Изи... я же тебе про него рассказывала, да? – Шмыгнув носом, я вытерла его рукавом. – Он бармен в Le Chacal. Помнишь? Иногда я называю его Шерлоком, потому

что он все время пытается вызнать обо мне побольше. Спрашивает о друзьях или родственниках. Он беспокоится обо мне. Хочет знать, откуда я приехала или кому... кому можно позвонить. Он хочет кому-нибудь позвонить. Я знаю, что это так. Он думает, что мне нужна помощь.

Я закрыла глаза, чтобы лучше услышать эти слова, и одновременно попыталась заглушить их, продолжив говорить.

– Мне некому позвонить. И это их только встревожит. Или подпортит им жизнь.

Что за чушь я несу. Генри, Тедди и Беверли, наверное, уже встревожены.

Сосредоточив затуманенный взгляд на шаре, я как и всегда почувствовала, что меня будто затягивает внутрь. Словно теряюсь в темных просторах звездной пыли и сияющих водоворотах света, окружающих одинокую планету. Я искала там Джону, все крепче сжимая его подарок в руках, пока слезы капали, оставаясь незамеченными.

Бесконечно.

– Мне так жаль, – прошептала я голосом похожим на слезливое карканье, – я ушла. Твоя мама... и Тедди... Я не хотела этого делать. Люди не должны так просто уходить, я знаю это. Я знаю это лучше, чем кто-либо другой. Но я не могла остаться. И мне очень жаль. За то, что подвела тебя. Я и есть та самая тонущая девушка. Я тону, Джона. Мне нужно, чтобы ты вернулся. Пожалуйста, вернись...

Желудок сжался от усилий, которые требовались, чтобы

сдерживать горе, в ужасе от того, что произойдет, если я поддамся ему.

Я крепко обхватила шар, завершая последний этап своего распорядка. Каждую ночь я держала его творение и умоляла Джону вернуться. Слезы текли из моих глаз, и я ощущала себя готовой прорваться плотиной. Я плакала и умоляла до тех пор, пока алкоголь не утаскивал меня в черные глубины.

Каждую ночь в глубокой темноте я взывала: «Вернись ко мне!», и это становилось последней мыслью.

И как раз перед тем, как меня вновь поглотила тьма, тихий голос прошептал: «*Ангел мой, отпусти меня...*»

Глава 3

Тео

Полдень пятницы, и «Вегас Инк» набит битком – пришло столько людей, сколько это крошечное местечко могло в себя вместить. Зельда, Эдгар и я работали без остановки, жужжание наших машинок соперничало с пульсирующей электронной музыкой – в этот день была очередь Зельды выбирать музыку.

Вивиан сидела за стойкой регистрации, отвечая на звонки и назначая сеансы посетителям, которые могли вернуться или нет. Лас-Вегас был переполнен тату-салонами. Большинство не попавших к нам, вероятно, отправятся куда-нибудь еще.

– У тебя есть какие-нибудь планы на эти выходные, Ти? – спросил Эдгар, когда у обоих случился перерыв между клиентами.

– Очередное горячее свидание? – спросила Зельда со своего места. Слова звучали резко, но ее сгорбленная спина заставила меня заколебаться.

В ее светящихся зеленых глазах я заметил вспышку боли, странно похожую на мою собственную.

– Нет, ничего особенного, – услышал я свой голос, – мне нужно многое выучить.

– Приходи в воскресенье на гонки, – предложил Эдгар. Он допил свой «Ред Булл», раздавил банку и швырнул ее в мусорную корзину. – Мы с приятелями собираемся взять напрокат квадроциклы.

– Да, может быть.

– Может быть, – фыркнул Эдгар, – да ладно тебе, мужик! Давай!

– На следующей неделе у меня три промежуточных экзамена, – пояснил я, пересекая пол в черно-белую клетку и направляясь в туалет возле стойки администратора. А проходя мимо, кивнул Зельде.

– Извини, Зел. У меня совсем нет сил.

После того как вымыл руки, мне пришлось вытереть руки о джинсы.

– Вив, у нас кончились бумажные полотенца, – сообщил, выходя из туалета. Она говорила по телефону и только вздержнула подбородок, глядя на меня. Я начал уходить, как раз в тот момент, когда музыка на звуковой системе почти смолкла.

Сквозь тихий ритм я услышал, как Вив говорит:

– Тедди? Нет, здесь нет никого по имени Тедди.

Это имя словно ударило в спину. Я резко обернулся, а сердце бешено колотилось в груди, крича: «Нет!», когда Вивиан завершала звонок.

– Вив, стой, не надо...

Я бросился вперед и вырвал трубку из ее рук, пока она растерянно смотрела на меня. Приложил телефон к уху и торопливо произнес:

– Алло? Не вешай трубку.

Уши горели, готовые услышать голос Кейси, богатый и чистый, с легкой хрипотцой временами.

– Это Тедди?

Голос оказался мужским. Разочарование сдавило мне грудь.

– Да, это он, – подтвердил я, отворачиваясь от Вив с ее поднятой в недоумении бровью, – а вы кто такой?

– Меня зовут Майк Будни. Слушай, шансов, конечно, мало, но, может быть, ты знаешь девушку по имени Кейси Досон?

Я замер. «Она мертва».

– Да, – сказал я, – да, я ее знаю. Она была девушкой моего брата.

– Ну и слава богу, – обрадовался парень. – Я весь день обзванивал возможные номера по междугороднему телефону, надеясь на чудо, искал в Вегасе татуировщика по имени Тед-

ди. Ты хоть представляешь, сколько тату-салонов в Вегасе?

Я сжал телефонную трубку.

– Ты нашел меня. Зачем? Что происходит?

«Она мертва».

– Да, слушай, а ты знаешь ее родственников? Или друзей?

Кого-то, кто сможет ей помочь?

– Я, – проговорил, будто заявляя свои права, – я ее друг.

А где она сейчас?

– В Новом Орлеане. Я бармен в клубе под названием Le Chacal. Она поет здесь каждый четверг вечером. Все понятно?

– Да, конечно. – Я пошарил по столу в поисках ручки и бумаги, игнорируя отчаянно жестикулирующую Вивиан. Она указывала на три звонка, мигающих на удержании. – Новый Орлеан. Le Chacal. В четверг вечером.

Я тупо нацарапал эти слова, как будто мог бы забыть, где сейчас находится Кейси, когда наконец-то нашел ее.

– Как она там?

– Как скоро ты можешь приехать сюда? – одновременно со мной спросил бармен.

Паника в моей груди разгорелась и усилилась.

– Очень скоро. Завтра, если понадобится. А что такое? Что случилось? С ней все в порядке?

– Да, как-то не очень, парень. – Вздох, который он выпустил, был чем-то средним между облегчением и смирением. – Она чертовски далека от определения «в порядке».

После разговора с Майком я повесил трубку, чувствуя себя бегуном на старте самой важной гонки в его жизни. Вивиан что-то кричала, но я почти не слышал ее. Сердце бешено колотилось, а желудок скручивало в жгуты, пока я мысленно составлял список всего, что нужно сделать, чтобы добраться до Кейси как можно скорее.

В Новом Орлеане.

Она проехала полстраны, чтобы упиться до смерти.

– Мне пора, – заявил я, хватая с вешалки свою черную куртку. – Отмени все остальные записи.

Вивиан вытаращила глаза.

– Отменить твои... Куда ты идешь?

Я направился к двери.

– Позвони от меня Гусу. Скажи, что я должен уехать из города на несколько дней. Семейные обстоятельства.

– Несколько дней? Гус будет охренеть как зол. Он тебя уволит.

– Просто позвони ему, Вив, хорошо? – И толкнул входную дверь, не дожидаясь ответа.

Я помчался к своему внедорожнику и понесся по улицам Вегаса, испытывая в равной степени разочарование и облегчение. Проклинаю каждый красный сигнал светофора и желая плакать, как ребенок, потому что нашел ее.

Остальная часть моего разговора с Майком Будни эхом отдавалась у меня в голове: *все время пьяна... держится особняком, друзей нет... ее называют утопленницей, и это правда. Она, черт подери, тонет.*

Мне выпал второй шанс сделать все правильно.

Я преодолел еще один красный и ударил ладонью по рулю, посигналив. Этот звук завыл в воздухе пустыни, а затем исчез, превратившись в ничто.

Вернувшись домой, я включил ноутбук, чтобы найти дешевые авиабилеты. Плата за обучение в университете съела немалую часть денег, которые оставил мне Джона, и я одержимо сохранял оставшиеся, думая о своем будущем салоне.

Поездка туда и обратно в Новый Орлеан без аванса съела бы семьсот долларов моих сбережений и потребовала бы точной даты возвращения.

Я колебался. У меня были деньги, но я понятия не имел, что произойдет, когда я увижу Кейси в Новом Орлеане и как долго там пробуду. И вернусь ли я один.

– Не забегай вперед, – пробормотал себе. Я искал билеты в один конец и нашел ночной рейс, вылетающий сегодня вечером и прибывающий в Новый Орлеан завтра в одиннадцать утра. Дерьмовый вариант с пересадкой в аэропорту Далласа,

но это оказалось самое раннее, что удалось отыскать. На самом деле самолет улетал меньше чем через два часа. Мне придется нелегко, но если я подожду еще хотя бы один день, то просто сойду с ума.

Я бросился в спальню, вытащил из шкафа чемодан на колесиках и начал бросать в него одежду. В другой руке я жонглировал мобильным, прокручивая телефонную книгу, и мысленно составлял список людей, которым нужно позвонить, прежде чем покину город. Родители. Оскар. И чтобы меня не уволили, следовало лично позвонить Гусу.

Я нажал на вызов, приложил телефон к уху и продолжил собирать вещи. Голос, который ответил, заставил меня похолодеть.

«Привет, вы позвонили Джоне Флетчеру. Оставьте сообщение, и я вам перезвоню. Желаю хорошо провести время».

Автоинформатор сообщил, что почтовый ящик полон.

Мои родители настояли на том, чтобы телефон Джоны не отключали, ведь так мы могли слышать его голос. Почтовый ящик заполняли сообщения от старых друзей, которые прощались или говорили Джоне, как сильно скучают по нему. Я инстинктивно набрал номер брата. Рядом с ним я чувствовал себя спокойнее, меньше переживал из-за собственных эмоций, которые казались мне чертовски бурными.

Я уставился на мобильный в своей руке.

Зрение затуманилось, и я яростно заморгал, пока оно снова не прояснилось.

А потом с удвоенной силой принялся собирать вещи.

– Я нашел ее, брат, – сказал я Джоне, бросая пару джинсов в чемодан, и вера в то, что он слышит, заставила меня говорить вслух. – Я нашел ее и собираюсь убедиться, что она в безопасности. Я не подведу снова, обещаю.

Родителям я выдал отредактированную версию правды: наш общий друг связался со мной по поводу Кейси. Она хотела меня видеть. Я уезжаю сегодня вечером.

– Сегодня вечером? – заплакала мать. – К чему такая спешка? С ней все в порядке?

– С ней все в порядке, ма. Знаешь, билеты, купленные в последнюю минуту, стоят очень дешево, – солгал я.

– А как же университет? – поинтересовался отец со своей линии. – Разве на следующей неделе у тебя не промежуточные экзамены?

Черт.

Я бросил футболку в чемодан. Если пропущу эти тесты, мне, вероятно, придется проходить – и оплачивать – курсы снова.

– Да, – подтвердил я, придумывая на ходу, – я напишу профессорам, что это срочно. Они позволят мне перенести дату.

– Ты уверен? – спросил папа. – Насколько я помню, экзамены в колледже – серьезное дело. Ты не можешь просто пропустить их...

Он продолжал читать лекцию, а я бормотал кучу дерьмо-

вых заверений, пока шел в ванную, чтобы собрать бритвенные принадлежности. Наконец отец с отвращением фыркнул и повесил трубку.

– Скажи Кейси, что мы ее любим, – попросила мама, – скажи, что я понимаю, почему она уехала. Хорошо?

Может быть, она и понимала, но я не понимал... По дороге в аэропорт Маккарран беспокойство во мне сменилось гневом: я хотел получить несколько гребаных ответов. Но к тому времени, когда подошел ко входу, ярость перегорела, оставляя осознание, что я снова увижу Кейси. Скоро. Завтра.

Утонувшая Девушка.

Перед мысленным взором предстали ее спутанные волосы, закрывающие лицо, глаза, из которых текут черные от туши слезы, бутылка спиртного, зажатая в руке вместо гитары.

Я откинулся на спинку стула, положив ноги на чемодан, гадая, что же толкнуло ее через край. После похорон Джоны она была в полном беспорядке, но тогда мы все разваливались на ходу. Бродили как зомби, ошеломленные и разбитые. Мы несколько месяцев знали, что смерть неизбежна. И все же, когда она пришла, для нас это оказалось жестоким сюрпризом. Можно сколько угодно готовиться к тому, что произойдет когда-нибудь. Но когда это случается – ты никогда не готов.

В ту ночь, когда мы с Кейси отправились в пустыню, чтобы развеять прах Джоны, она выглядела так, словно ее вот-вот сдует ветром. Когда он унес останки Джоны в черное небо,

я потянулся к ее руке и позволил сорваться с губ словам: «Оставайся здесь».

Я хотел, чтобы она осталась в Вегасе, и протянул руку, чтобы показать, что готов помочь. С таким же успехом я мог бы попросить ее о помощи.

«Помоги мне и оставайся здесь.

Оставайся со мной».

– Я останусь, – пообещала она. И я поверил.

Но после той ночи мы почти не виделись. Я пытался справиться со своим горем, но продолжали мешать мои истинные чувства к Кейси.

Как можно утешить потерявшую любимого женщину, когда каждой частичкой тела желаешь, чтобы она когда-нибудь испытала к тебе такие же глубокие чувства?

Факт, что Джона был моим братом, превратил клубок испорченных эмоций в нечто, в чем я не нуждался и чего не хотел.

Однажды вечером после работы я зашел к ней домой и застал ее за сочинением песен. Она сидела на диване с гитарой, рядом лежал раскрытый блокнот.

– Слова льются рекой, Тедди, – сказала она.

Но мне следовало заметить, как дрожит ее голос, как блещут глаза. Не от волнения или радости. Она выглядела так, будто напугана до смерти, и этот страх заставлял ее нервы натягиваться как канаты.

Через две недели Кейси ушла, а я осознал простую исти-

ну: что нуждался в ней. Может быть, даже больше, чем она нуждалась во мне.

Глава 4

Тео

Новый Орлеан оказался старым городом и таким же зеленым, как Вегас – коричневым. В апреле стояла достаточно сильная жара, но воздух был пропитан влагой.

Навигатор на моей арендованной машине привел меня к французскому кварталу и клубу Le Chacal. Часы показывали уже почти полдень. Майк сказал, что приедет только в шесть и не даст ни домашнего адреса Кейси, ни какой-либо другой личной информации, пока не встретится со мной лично. Я оценил эту осторожность, хотя она и заставляла меня немного нервничать от нетерпения.

Я поселился в небольшой гостинице на окраине Французского квартала и немного вздремнул, чтобы прийти в себя после бессонной ночи в тесном самолете. Быстро перекусил в кафе, а потом прогулялся взад-вперед по Канал-стрит, изу-

чая прохожих. Каждая проходящая мимо блондинка заставляла мое сердце биться сильнее. Но я так и не встретил Кейси.

Время подползало к шести, когда я вернулся в Le Chacal. Это был маленький неприметный клуб с мультяшным шкафом на розово-зеленой неоновой вывеске над главным входом. Слева располагалась небольшая сцена, перед которой стояли несколько тонких деревянных стульев и столов. Бар находился в дальнем правом углу, где огромный парень с рыжей бородой готовился к вечеру. Основную часть иллюминации составляла подсветка бара. Какая-то джазовая песня лилась из звуковой системы, и несколько клиентов уже сидели, разговаривая и подпевая вполголоса.

Я подошел к стойке.

– Майк Будни?

Здоровяк смерил меня взглядом.

– Ну и что?

Я протянул ему руку.

– Тео Флетчер. Тедди.

Он пожал мне руку, затем с напряженным выражением лица положил обе ладони на барную стойку.

– Зови меня как и все остальные Большой И.

– Конечно.

– А ты не шутил, когда говорил, что быстро доберешься, – заметил он. – И все же я не стану разглашать личную информацию, пока не узнаю всю историю. Не ты ли причина того,

что она уехала из Вегаса и каждую ночь до одури напивается?

– Нет, – ответил я. – Это из-за моего брата Джоны. Кейси встречалась с ним, и они были очень близки. Но он все равно...

– Бросил ее?

Черт, одним из плюсов прекращения моей общественной жизни оставалось то, что в течение последних шести месяцев не нужно было никому объяснять нашу ситуацию.

– Он умер, – проговорил я, чувствуя тяжесть в груди.

Большой И кивнул.

– Мне очень жаль, приятель. Но это многое объясняет. Я слышу это в ее песнях, понимаешь?

– Даже не сомневаюсь.

Он потер бороду и вздохнул.

– Пива?

– Конечно.

Бармен откупорил две бутылки чего-то темного и протянул одну мне. Чокнувшись, мы выпили. Я сделал большой глоток холодного, горького эля, словно пытаюсь вымыть из своего рта слова о смерти брата.

– Так каков же твой план, Тео?

– Увидеться с ней, – сказал я. – Помочь. Всем, чем смогу.

Большой И продолжал кивать, попивая пиво. Его поведение начинало меня раздражать.

– Послушай, парень, – начал я, – все, что меня сейчас вол-

нует, – в буквальном смысле, единственное, что меня сейчас волнует в этом мире, – это убедиться, что с ней все в порядке. Ты позвонил. Я пришел. А теперь скажи мне, где она.

Здоровяк бросил на меня еще один оценивающий взгляд, допил пиво и поставил бутылку на стол.

– По субботам она играет в Von-Von на Баронн-стрит. Тут вокруг полно листовок. Начало представления в девять.

– Спасибо тебе. – Я допил пиво и потянулся за бумажником.

– За мой счет, – объявил бармен и снова протянул руку: – Я рад, что ты здесь, Тео.

Я ответил крепким рукопожатием. Парень искренне беспокоился, и без его телефонного звонка я бы сидел в галерее, извиняясь перед братом в тысячный раз.

– Спасибо за звонок, приятель.

«И за то, что спас мою гребаную жизнь».

Von-Von оказался крупнее предыдущего клуба, и гораздо более многолюдным. Я пришел достаточно рано, чтобы занять угловую кабинку на двоих, которую ревниво охранял

от вторжения других посетителей. Дважды женщины просились сесть рядом, и дважды я сообщал, что место занято. К тому времени, когда свет наконец потускнел, я содрал и разорвал в клочья этикетку со своей бутылки пива. Из моей кабинки сцену было видно особенно хорошо. Табурет и подставка для микрофона стояли в круге света и ждали.

Стерео музыка умолкла, и разговоры примерно полсотни посетителей тоже прекратились. Все взоры обратились к сцене. А потом она просто вышла. Без объявлений, без представлений. Она появилась с гитарой в руках, и длинные светлые волосы падали, словно спутанный занавес, скрывая большую часть лица.

«Кейси. Черт, детка...»

Я застыл, впиваясь в нее взглядом, высматривая изменения за эти шесть месяцев разлуки.

Она выглядела похудевшей, одетая в гладкие черные кожаные штаны и потрепанный оливковый свитер, слишком большой и поэтому свисающий с одного плеча. Одиноким луч прожектора отражался от ее волос и кожи.

Кейси была пьяна.

Я понял это по тому, как медленно и осторожно она уселась на табурет, настроила микрофон и пару раз прошлась по струнам.

Все вокруг притихли и, казалось, затаили дыхание, когда она наконец поднесла свой рот к микрофону и произнесла своим богатым, немного ослабевшим голосом:

– Привет, я Кейси и собираюсь спеть несколько песен для вас сегодня вечером.

Толпа разразилась аплодисментами, выводя меня из транса. А потом она запела, и я сразу же погрузился в другой.

Этот голос...

Он рассказывал о пробуждении в окружении красоты и покоя. О том, как она открыла глаза после долгого кошмара с громкой музыкой, вечеринками, которые никогда не заканчивались, и маской, которую никогда не смогла бы снять.

Я сидел неподвижно, и лишь открывал глаза, чтобы вновь увидеть ее, либо закрывал их, чтобы лучше услышать слова. Первая песня сменилась другой о поцелуе любимого, который уничтожил все предыдущие поцелуи. Следующая была о ночи, проведенной под звездами. Я будто снова оказался в Большом Бассейне, в походе с друзьями, слушая, как Кейси поет около костра. Что-то изменилось во мне в ту ночь. Какой-то катастрофический излом меня как человека. Именно в ту ночь она погубила меня. Или спасла. Я не знал точно, что именно.

Песня за песней. Я вновь переживал время Кейси с Джоной. Детали, таящиеся в лирике, оставляли эмоции открытыми до мельчайших подробностей. К тому времени, когда в композиции под названием «One Million Moments»³ здоровье Джоны пошатнулось, я уже крепко сжимал пивную бутылку, почти надеясь, что она разобьется, порежет меня и

³ «Миллион мгновений», *англ.*

разрушит чары боли. Остановит прилив чувств от выплеска на поверхность.

Боже, как же она чертовски красива.

Пьяная и взъерошенная, пахнувшая страданием и поражением, для меня Кейси была прекрасна. Мне хотелось прорваться к сцене и схватить ее. Унести прочь из этого места и от людей, которые аплодировали горю, о котором она им рассказала. Мне хотелось обнять ее, убедиться, что все это реально, что это не сон, что я действительно сижу в джаз-клубе Нового Орлеана и слушаю Кейси Доусон.

– Это моя последняя песня, – произнесла она, – называется «The Lighthouse».

Кейси заиграла длинное вступление, состоявшее из печальных гармоний. По ходу исполнения они вырождались в целенаправленно диссонирующие ноты, описывая корабль, разваливающийся на части, доска за доской. У Кейси текли слезы, ее голос срывался и срывался, но она ни разу не замолчала. Она прерывисто дышала, как будто пыталась схватить воздух ртом, но не прерывалась. Все это тоже было частью песни, как слова или музыка.

Последняя нота повисла в воздухе, а затем растворилась в нем. Толпа на полсекунды притихла, а потом разразилась приглушенными аплодисментами, которые становились все громче, пока маленький темный клуб не наполнился звуками.

Я заворуженно наблюдал, как Кейси убирает волосы с ли-

ца, размазывая тушь и оставляя темные пятна на щеках.

– Спасибо, – пробормотала она в микрофон, – спокойной ночи.

Она соскользнула с табурета и скрылась за черной занавеской.

Толпа вокруг вернулась к нормальному общению, а я сидел в кабинке, чувствуя, как ее голос и музыка эхом отдаются во мне. Включилась звуковая система с каким-то джазовым номером, вырывая меня из размышлений, и я лихорадочно оглядел клуб в поисках Кейси.

Черт, я опять ее потерял, мать твою. Наверное, она выскользнула через заднюю дверь, пока я как идиот пребывал в подобии транса. Покинув кабинку, я начал пробираться сквозь толпу в поисках ее лица. А потом заметил ее на последнем табурете у стойки бара. Она потягивала коктейль, пока мужчина рядом с ней что-то черкал на салфетке и двигал к ней через барную стойку. Кейси с игривой улыбкой взяла ее и кивнула.

Парень выходил из бара с полной надежды улыбкой.

Я понял, что мои руки сжаты в кулаки. Однажды Кейси рассказывала, что во время пребывания в старой группе спала с ребятами из разогрева или с фанатами. Неужели она вернулась и к этой привычке?

Кейси посмотрела вслед своему поклоннику, ожидая, пока тот скроется из виду, а потом разорвала салфетку на мелкие клочки.

Отлично.

Я разжал кулаки и перевел дыхание, а затем направился к бару.

Кейси соскользнула с табурета и взяла гитару. Она едва не упала. Какой-то парень поддержал ее, и она одарила его благодарной улыбкой.

Он наклонился, чтобы что-то сказать ей на ухо. Она покачала головой и протиснулась сквозь толпу людей, многие из которых хватали ее за руку или даже тянулись обнять.

Я следовал за ней, пульс бился быстрее с каждым шагом, который сокращал расстояние между нами. Кейси толкнула входную дверь и вышла на улицу. Ее волосы – уже не белые, а медно-русые, – вспыхнули, как пламя, под уличным фонарем, а затем створка хлопнула, скрывая ее от меня.

Черт.

Я протолкался сквозь толпу, которая теперь волнами двигалась на меня, и распахнул дверь. Посмотрел направо и налево, по обеим сторонам дороги, освещенной богато украшенными старомодными уличными фонарями.

Ушла. Опять.

– Черт возьми, только не снова.

Я выбрал направление и двинулся по тротуару, думая, что Кейси не могла уйти далеко, ведь она пьяна и тащит на себе гитарный футляр. Если только она не прыгнула в ожидающее такси...

Я миновал переулок между клубом и шумным кафе. Оста-

новился. Отошел чуть назад.

Она стояла спиной ко мне, пытаясь зажечь сигарету, а ее гитара лежала на земле. Я медленно подошел, не желая напугать девушку. Сердце подскочило к горлу. Она так близко. Еще пять шагов, и смогу прикоснуться к ней. Я с трудом сглотнул.

– Кейси...

Худенькое тело дернулось, и она медленно повернулась. Сигарета и зажигалка выпали у нее из рук. Сквозь завесу вьющихся светлых волос Кейси пристально смотрела на меня.

– Тедди?

Ее большие красивые глаза наполнились надеждой. Темные брови сошлись на переносице, а губы попытались улыбнуться и одновременно искривились, готовые заплакать. Облегчение. Кейси чувствовала облегчение, увидев меня... и на долю секунды тоска, которая окутывала меня последние шесть месяцев, ослабла.

Затем черты ее лица ожесточились. Вместо того чтобы выглядеть так, будто она вот-вот полетит в мои объятия, выражение ее лица резко стало убийственным, а сияющие голубые глаза – ледяными.

– Ты не должен быть здесь, Теодор. – Кейси взяла футляр от гитары и протиснулась мимо меня. – Отправляйся домой.

Глава 5

Кейси

Ботинками на низком каблуке я перебирала по тротуару так быстро, как только могла.

Гитарный футляр ударял сзади под коленями, будто пытался поставить подножку. Мне хотелось уронить его, развернуться и побежать к Тео, броситься на него и нырнуть в его объятия.

«Ты пришел. Ты здесь. Ты нашел меня».

Это был Новый Орлеан, но мои пьяные глаза видели лишь Вегас, как в первые дни после смерти Джоны. Скорбь от воспоминаний прошлого, бурлящая внутри меня, вызывала еще большую тошноту, чем выпитое. Я так нуждалась в его руках, обнимающих меня. В его груди, на которую я могла бы опереться и плакать, умоляя о прощении.

«Прости. Ты, должно быть, просто в ужасе, видя меня та-

кой. Я знаю. Джона отреагировал бы так же».

Именно тогда стыд разлился по моим венам, как глоток виски, и панический страх заставил меня бежать в совершенно противоположном направлении, не в том, в котором я хотела бы двигаться.

Я услышала тяжелые шаги, и задыхающийся голос позади произнес:

– Кейси, подожди.

На моем предплечье сомкнулась рука, резко останавливая. Я дернулась назад, понимая, что не в силах убежать от него, понимая, что обманываю себя, но все равно пыталась сопротивляться.

– Что ты здесь делаешь? Как ты меня нашел?

– Мне звонил Майк, – пояснил он. – Майк Будни.

– Большой И, – пробормотала я. Какой бы неряшливой пьяницей ни была, я все еще одержимо скрывала свое прошлое, держа все детали под замком. Мой пропитанный алкоголем мозг пытался вспомнить, что такого я могла сболтнуть Большому И, что привело его к Тео.

– Он беспокоится о тебе, – сказал Тео, отпуская меня и скрещивая руки на широкой груди. Одетый в черную футболку и джинсы, он сверлил меня взглядом пылающих под светом уличных фонарей глаз цвета виски. – Теперь я тоже волнуюсь.

– Так, я устала и хочу домой, можно как-то побыстрее?

Он недоверчиво вытаращился на меня.

– И это все, что ты можешь мне сказать? После шести месяцев?

– Что еще ты хочешь от меня услышать? Прости меня? – Я сдула с глаз прядь растрепанных волос. – Ладно, извини. Счастлив?

– Даже отдаленно нет.

– Чего ты хочешь, Тео?

– Поговорить, – заявил он, проведя рукой по своим коротким темным волосам. – Господи, Кейси, прошло уже полгода.

– Поговорить. – Я притворилась, будто обдумываю его слова, а в голове царила звенящая пустота. – Извини, Тедди, но мне нечего тебе сказать.

– Извини – это не то, что я хочу услышать.

Мы смотрели друг на друга и, невзирая на алкогольное опьянение, я понимала, что не выиграю эту битву.

– Отлично, – согласилась я, протягивая свою гитару, – давай поговорим.

– Где?

– В каком-нибудь нейтральном месте.

– Например?

Если он и был шокирован, когда я дала ему свой домашний адрес в Седьмом округе, то никак этого не показал. Тедди ввел его в навигатор телефона, и Сири услужливо прощептала указания.

– Теперь мне придется переехать, – пробормотала я.

– Ты что-то сказала?

– Нет, ничего.

Мы подъехали к моей улице с ее рядами узких длинных домов. Тео припарковался на стоянке позади подержанной «Тойоты», которую я купила в Вегасе. Во время моей безумной поездки в Луизиану шар-вселенная лежал на подушке в коробке на пассажирском сиденье, пристегнутый ремнями безопасности. После этого я ни разу не пользовалась машиной. Мой дом находился всего в десятке улиц от Французского квартала.

Не говоря уже о том, что вождение автомобиля, будучи постоянно пьяной, – крайне безответственное занятие.

«Видит бог, я ответственная», – усмехнулась я про себя.

Фонари на крыльце – красивые лампы из бутылок виски, которые Джона сделал для меня, – сгорели дотла. Случилось ли это только что или до сих пор я просто ничего не замечала? С горящими щеками, я изо всех сил пыталась вставить проклятый ключ, но не попадала в замок. Наконец попав внутрь, я направилась на кухню, чтобы приготовить себе ночной коктейль. Тео остался закрывать дверь и поднимать мою упавшую сумочку.

– Ты хочешь стаканчик? Или пиво? – поинтересовалась я, выливая водку на лед.

Он покачал головой, снова скрещивая руки на груди. Взгляд его темных глаз не дрогнул. Я потягивала свой напиток, чувствуя себя виноватой в каждом движении.

– Ты ведь хотел поговорить, верно?

– Я прилетел сюда не для того, чтобы слушать всякую чушь.

Мои глаза расширились еще больше.

– Чушь? Я не сказала ни слова.

– Да уж.

– Это ты меня преследуешь.

– Люди беспокоятся о тебе, Кейс, – уже мягче проговорил он.

– О, тогда это просто поездка из-за чувства вины. Ты получил за это мили для частых пассажиров?

Тео не рассмеялся, неотрывно глядя на меня. Мои щеки горели. Я со стуком поставила стакан на кафельную кухонную стойку.

– Послушай, я не хочу, чтобы ты приходил сюда и... унижал меня. – Кажется, мне удалось немного сбить Тео с толку, потому что его плечи дернулись.

– Унижал тебя? Но как?

– Своим присутствием здесь. Тем, что видишь меня в таком состоянии. Как думаешь, почему я ушла? Чтобы сделать больно Беверли или Генри? Или тебе? Нет, я уехала из Вегаса, потому что он был повсюду, Тедди. Джона был везде, и я не могла этого вынести.

– Ты думаешь, я не вижу его повсюду?

– Я объясняю тебе, почему я уехала.

– Ты имеешь в виду – сбежала.

На его красивом лице не отражалось ни единой эмоции, но голос звенел от боли.

– Хорошо. Сбежала. Улизнула ночью и оставила записку. Я могла бы остаться, но зачем? Чтобы все видели, как я разваливаюсь на части? – Я покачала головой, поднесла стакан с водкой к губам и сделала большой глоток. – Лучше так, как сейчас. Я поступила чертовски ужасно, но все же лучше. В долгосрочной перспективе. Для всех.

– Это убивает тебя.

Я фыркнула в свой стакан.

– Я могу с этим справиться.

– Хрень это.

– Так вот почему ты здесь? Хочешь вмешаться? Отправить меня на реабилитацию?

– Нет.

Я подняла глаза, изучая этого человека в моей гостиной. Он продолжал стоять со скрещенными руками и расставленными в стороны ногами. Выглядел как вышибала. Или даже как Хьюго, телохранитель Rapid Confession, который подхватил меня пьяную со сцены и посадил на заднее сиденье лимузина Джоны, тем самым изменив жизнь. Слишком много воспоминаний. Слишком много совпадений, возвращающих меня к воспоминаниям.

– Итак, – я забарабанила пальцами по столешнице, чтобы скрыть дрожь, – ты собираешься выбросить мою выпивку? Заставишь уволиться?

– Нет. – Его тон оставался ровным и жестким, в то время как мой голос охватывала паника.

Я хлопнула ладонью по столешнице.

– Ну и что тогда? Ты хотел поговорить. Давай говори.

– Я жду.

– Чего же?

Тео только дернул плечом. Он выглядел таким сильным, твердым и тяжелым, словно огромный мускулистый валун, который устроился в моей гостиной без малейшего намерения двигаться.

– Ждешь, значит. – Я провела по волосам руками и сцепила их на затылке, пытаясь остановить вращение комнаты. – Ну, ты же не можешь ждать здесь. Уходи.

Тео даже не пошевелился.

– Ты меня слышишь? Ты не можешь остаться.

Даже не моргнул глазом. Ни единого вздоха. Его как будто поставили на паузу. Словно он выключенный робот.

Опустив руки, я уперла их в бока.

– Ты что, оглох, Тедди? Я сказала, убирайся.

Он сделал глубокий вдох. На выдохе его обутые в сапоги ноги, казалось, еще глубже погрузились в пол.

Я ткнула пальцем в дверь.

– У-би-рай-ся.

Тишина.

Разочарование нарастало во мне, но в нем проскальзывали оттенки чего-то еще. Слабая уверенность, что это все.

Мой единственный шанс на спасение.

«Помоги мне...»

– Черт возьми, убирайся из моего дома! – закричала я. –
Оставь меня в покое.

Когда он не сдвинулся с места, я схватила мобильный. Это был одноразовый аппарат, вроде тех, что можно купить в круглосуточном магазине. В нем не было ничего, кроме контактных номеров клубов, в которых я пела. Другой я выбросила в пустыню Невады несколько месяцев назад.

– Я вызову полицию, – заявила, размахивая телефоном перед собой, как пистолетом, – и прикажу арестовать тебя за незаконное проникновение. Ты этого хочешь?

Он даже не пошевелился. Я почувствовала, как внутри что-то надломилось. Тонкий, как яичная скорлупа, барьер, который я воздвигла против горя. Дамба против реки глубокой душевной боли.

– Клянусь богом, Тедди, я вызову полицию, – сказала я дрожащим голосом.

Мускул на челюсти Тео дернулся, но его взгляд оставался непроницаем. Я прерывисто дышала, а руки так сильно дрожали, что едва не выронила телефон. Вместо этого я бросила его в Тео.

– Убирайся.

Он слегка наклонил голову и даже не вздрогнул, когда мобильник пролетел справа от его уха и ударился о стену.

– Я серьезно, Тедди. Убирайся на хрен отсюда!

Я схватила диванную подушку и швырнула в Тео. Та приземлилась у его ног. Вторая подушка ударила его в грудь и отскочила. Теперь я уже кричала, роясь в сумочке в поисках предметов, которые можно было бы бросить в него. Бумажник, пудреница, пачка бумажных салфеток. Все исчезало в темноте комнаты или падало на пол. Наконец с истерическим воплем я взмахнула сумочкой, как толкатель ядра. Та пролетела через всю комнату, а сила, с которой я бросила ее, заставила меня покачнуться. Я потеряла равновесие и упала на колени. От удара о твердую древесину тело пронзило болью, и я сгорбилась, обхватив себя руками, чтобы не развалиться на части.

«Он никуда не уйдет».

– Мне очень жаль, – прорыдала я. Лицо болело от напряжения, с которым я сдерживала реку слез. – Прости, Тедди, но уходи. Пожалуйста, уходи. Я не хочу, чтобы ты видел меня такой...

«Он никуда не уйдет».

«Он не уйдет отсюда. Он сильный, здоровый и в полном порядке, он не уйдет...»

Я услышала скрип половиц, почувствовала, как они немного прогнулись под моими коленями. Нога Тео в сапоге появилась перед моим затуманенным взором.

Когда он заговорил, его голос звучал мощно и уверенно.

– Я остаюсь здесь.

Тео опустился на колени рядом со мной и поднял мою го-

лову.

Большими руками обхватил лицо, убрал волосы с глаз и заставил меня посмотреть на себя. Его жесткий взгляд умолял меня сдаться. Отпустить ситуацию. Но ужас от того, что я прыгну в реку и столкнусь лицом к лицу со своим горем, не давал мне покоя. Мне жизненно необходимо выпить. Мне следовало оставаться пьяной, иначе я умру.

Просто утону.

Я открыла рот, чтобы сказать ему это, но с губ сорвались совсем не те слова.

– Мне нужна помощь, – прошептала я, и словно почувствовала глоток свежего воздуха. Кожа горела, слезы обжигали, стекая по щекам к его пальцам, которые касались меня. Казалось, болит каждая клеточка моего тела.

– Помоги мне, – попросила я, наслаждаясь признанием, как прохладной чистой водой в пустыне. – Пожалуйста. Помоги мне.

Тео заключил мое лицо в ладони. Его глаза сияли.

– Я так и сделаю, – пообещал он. – Я приехал и помогу тебе.

Я искала его взгляд, отчаянно пытаюсь поверить, хватая его черную футболку и сжимая ее в руках. Тео говорил правду. Он был твердым, честным и отчаянно преданным. Я видела такую же убежденность в его глазах, когда он держал руку Джоны во время той ужасной биопсии. И теперь он предлагал мне то же самое.

Однако я не могла бросить пить. Просто не пережила бы этого. Я рухнула на Тео, тяжело всхлипывая, но не выворачиваясь наизнанку. Еще нет. Алкогольная зависимость яростна и злобна. Она вонзила в меня свои зубы, и ее не так-то просто будет отодрать. Но я уже начала. Прижалась к Тео, и он крепко обнял в ответ. Его присутствие поддерживало меня, как будто он делился со мной силой. Через несколько минут он поднялся с колен и сел на пол. Я вытерла глаза о его рукав.

– Я уже полгода каждый день напиваюсь.

Я почувствовала, как он кивнул над моей макушкой.

– Это будет очень больно, не так ли?

Он закивал активнее.

– Может, тебе стоит с кем-нибудь проконсультироваться... с врачом...

– Нет. – Я с трудом поднялась с пола. Тео тоже поднялся, поддерживая меня, стоило пошатнуться. – Я встречалась с одним месяц назад, когда выдалась плохая ночь. Я тогда подумывала о том, чтобы уйти с работы. Больничные реабилитационные программы выписывают медикаменты, чтобы справиться с ломкой. Лекарства, которые заставляют ничего не чувствовать.

Я посмотрела на Тео, сжимая его предплечья, все еще нуждаясь в его поддержке.

– Я должна чувствовать все, не так ли? Чувства – вот в чем весь чертов смысл. Потому что дело не просто в алкоголе, я должна выбраться из этого замкнутого круга.

Он молча кивнул.

– Ты можешь это сделать, Кейс.

– Тебе тоже будет хреново, – заметила я, – если останешься здесь, чтобы наблюдать за всем этим.

– Я смогу это принять.

– А как же твоя работа?

– Все нормально.

– Я не могу просить тебя об этом.

– Все в порядке, Кейс, – заверил он, – у меня все под контролем.

Его жесткий тон и каменное выражение лица не оставляли места для возражений. Я обхватила себя руками и качнулась назад на каблуках.

– Если ты так уверен.

Его лицо смягчилось.

– Не сомневаюсь. И уже поздно. Тебе, наверное, стоит попытаться немного отдохнуть.

– А как насчет тебя?

– Как только ты уснешь, я заберу вещи из отеля. Устроюсь на твоём диване.

В спальне я сбросила ботинки, кожаные брюки и свитер сменила на мешковатые спортивные штаны и простую футболку. А потом забралась на кровать и свернулась калачиком вокруг шара-вселенной, ощущая, как начинают слипаться глаза.

Тео подошел к двери. Он некоторое время смотрел на ста-

кан, потом откашлялся.

– У тебя здесь есть заначка? – спросил он.

– В ящике тумбочки, – пробормотала я. Сон уже накрывал меня своим покрывалом. На краю сознания я услышала, как открылась и закрылась тумбочка.

Мою утреннюю фляжку с бренди конфисковали. Укол страха и сомнения заставил дернуться плечо, умоляя встать и спасти заначку. Но я погружалась слишком быстро.

– Спасибо, Тедди, – проговорила я. – Знаю, что прошу слишком многого. Слишком.

Он натянул одеяло повыше, и я ощутила чистый запах его парфюма.

– Это не слишком много, – сказал он.

– Лгун.

Он издал нечто похожее на смех.

– Спокойной ночи, Кейс.

На одну короткую секунду его рука легла мне на плечо. Я хотела взять ее и держать всю ночь, но темнота заставила меня обмякнуть и замереть. Тем не менее я знала, что Тео рядом. Я больше не одна. И этого было достаточно. Именно в этом я и нуждалась.

Утром я проснулась с болезненным ощущением в желудке, его будто скручивали в узел. И жаждой в крови, ревущей, как ураган.

Тео спал на диване. Он надел серые фланелевые брюки и белую майку, открывавшую покрытые татуировками руки. Я побрела на кухню с мыслью, что приготовлю кофе. Как все нормальные люди. Мусор был уже вынесен, и рядом с ним лежал свежий пустой пакет. Тогда и пришло понимание, что даже если проверить каждый шкаф, ящик и тайник во всем доме, я не найду ни капли спиртного.

Я стояла на кухне, во рту у меня было сухо, как в пустыне Вегаса, а сердце бешено колотилось. Кофе не вдохновлял. Я хотела утреннего бренди. Или «Кровавую Мэри». Как голодному льву хочется красного мяса, так и мне хотелось выпить чего-нибудь крепкого. Я попыталась взять себя в руки. Теперь пути назад нет. Я должна это сделать. Ради Беверли и Генри. Ради Оскара и Дены. Ради Тедди, который многим пожертвовал, чтобы остаться здесь со мной. Гораздо большим, чем пытался показать.

«Ради Джоны, – подумала я. – *Для тебя, моя сладкая лю-*

бовь. Я сделаю это для тебя». И хотя чувствовала себя совершенно никчемной, а стоящая передо мной задача казалась невыполнимой, я осмелилась добавить себя в список тех, для кого делаю это:

«И для меня тоже. Чтобы жить».

– Тедди? – очень тихо позвала я. Он сразу же встрепенулся, сел и огляделся вокруг, пока не увидел меня. Я стояла посреди кухни, обхватив себя за локти. Моя кожа уже начала зудеть.

– Все в порядке, Кейс, – заверил он, протирая сонные глаза и кивая, – я рядом.

Глава 6

Тео

Прошло совсем немного времени, и у Кейси началась ломка.

В доме она не хранила настоящей еды. Покинув отель накануне вечером, я купил кучу здоровой пищи и несколько бутылок воды в круглосуточном продуктовом магазине. Утром первого дня я наткнулся на «Грязные танцы» на кабельном канале и уговорил ее на совместный просмотр.

Кейси страстно любила кино восьмидесятых. Пока шел фильм, она мелкими глоточками пила воду, но есть не стала. Нервно подергивая ногой, она постоянно сжимала руки вместе.

К обеду от просмотра фильмов она отказалась, с диким взглядом и мокрым от пота лицом меряя шагами свою крошечную гостиную.

К раннему вечеру она то проклинала меня, то умоляла дать выпить. Вскоре к головокружению добавился сильный сушняк. Потом ярость. Мольбы. Тошнота.

Я старался не попадаться Кейси на глаза. Стиснув зубы, не реагировал на ее слезные просьбы. Держал ее за волосы. Она набиралась сил, и цикл повторялся.

Ярость. Мольбы. Тошнота.

Время от времени Кейси проваливалась в короткий, изнурительный сон, который давал мне десять-пятнадцать минут, чтобы отдышаться. Ей он не приносил никакой пользы. Она просыпалась еще более сердитой, еще более отчаявшейся, еще более несчастной. Жаждающей. К полуночи у нее начались панические атаки. А чуть позже – короткие приступы неконтролируемых слез. В такие минуты она металась по комнате, дергая себя за волосы и оглядываясь вокруг безумными глазами, как будто потеряла нечто драгоценное.

Я беспомощно наблюдал за Кейси, не в силах сделать ничего, кроме как заблокировать входную дверь и уговорить ее выпить воды. Временами она царапалась и била меня.

Иногда безвольно сворачивалась калачиком в моих объятиях и дрожала всем телом, как будто до смерти замерзла.

Казалось, эта ночь длилась целую вечность. Наступил второй день, а мы уже были измотаны до предела. Однако отступление только начиналось.

Второй день едва не убил Кейси. И это почти сломало меня. К полудню я уже хотел бросить все, сдаться и отвести ее

к профессионалу.

– Нет, Тедди, – взмолилась она. Ее лицо покрывали красные пятна от слез, одежда промокла от пота, голос охрип от того, что она кричала на меня. – Не отдавай меня чужим людям. Пожалуйста... я могу это сделать. Я могу. Я сделаю.

А что мне оставалось говорить? Если она осилит, то и я тоже. Поэтому прижимал девушку к себе, пока она не оттолкнула меня, чтобы пробродить по комнате еще немного, а потом выблевать воду, которую мне удалось заставить ее выпить, в раковину на кухне.

Я даже не предполагал, что ее состояние может стать еще хуже. Но затем началась белая горячка.

Руки Кейси дрожали, как будто ее окатили ледяной водой, и это испугало меня до глубины души.

Поздним утром раздался стук в дверь. По ту сторону стояла афроамериканка в джинсах, оранжевой рубашке и с бейсбольной битой в руках.

Стоило мне распахнуть створку, она отпрыгнула назад и приготовила биту для удара. Оказалось, что это живущая по соседству медсестра. Она слышала крики из дома и подумала, что происходит что-то криминальное.

Я впустил женщину, и она помогла проверить жизненные показатели Кейси. У нее было учащенное сердцебиение, но не слишком. Отсутствовали галлюцинации. Она не билась в конвульсиях, а только дрожала. Медсестра уговорила меня оставить Кейси дома, если только симптомы не обострятся.

После ее ухода я почувствовал себя немного спокойнее. Это испытание все еще терзало мое проклятое сердце, но испуг уже немного прошел.

Вторую ночь мы провели на полу в гостиной. Судя по ощущениям, в этом маленьком домике без кондиционера было градусов тридцать, но Кейси закуталась в одеяла, рыдая от холода. Она спала не больше нескольких минут.

Я не спал вообще.

Шел третий день.

Выпутавшись из одеяльного кокона, Кейси села и выпрямила спину, как будто вспомнила, что потеряла, и знала, где это найти. Резко высвободила ноги. От пота футболка прилипла к ее спине вплоть до пояса спортивных штанов.

Она одарила меня ясным взглядом, которой я не видел вот уже какой день. Страшная лихорадка наконец отступила, у меня зародилась надежда, что этот чертов кошмар скоро закончится.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался я.

– Жарко, – прохрипела она, – здесь так жарко.

Кейси встала и поспешила в ванную, по пути стягивая футболку. Ее татуировки казались темными пятнами на бледной коже. Я последовал за ней.

– Ты настолько не доверяешь, что не оставишь меня одну? – возмутилась она, поворачивая кран и снимая спортивные штаны. Теперь на ней осталось только нижнее белье.

– Нет. – Я отвел взгляд от ее почти обнаженного тела и занялся тем, что достал из-под раковины чистое полотенце.

Кейси шагнула под душ и вздрогнула.

– Холодно, – пробормотала она сквозь стиснутые зубы. – Как дождь. Холодный дождь.

Тугие струи падали на ее спутанные волосы и бледную, покрытую мурашками кожу. Кейси сморщила лицо, прикрывая грудь руками и крепко прижимая их к области сердца.

«Ну, начинается», – подумал я. Самое трудное. Самое низкое. Самое мучительное. Король среди демонов боли. То, чем я был слишком напуган, чтобы столкнуться лицом к лицу.

– Дождь, – прошептала Кейси, а вода капала с ее губ и подбородка, – тогда в Бассейне. Я танцевала для него под холодным дождем. Я танцевала для него...

Она медленно сползла по кафелю и рухнула на пол душевой кабины. Подтянув колени к груди, стала раскачиваться взад-вперед, и громкие завывающие рыдания заполнили небольшое пространство.

На мгновение я застыл, сердце болезненно сжалось, вторя

ее стенаниям, из глубины души поднималась тоска по брату.

Я выключил воду и наклонился над Кейси, чтобы завернуть ее в полотенце и поднять. Хотя и ничего не чувствовала в моих руках, она крепко прижалась ко мне, когда я отнес ее в спальню и положил на кровать. Убрал подарок Джоны, поместив его на подставку на почти пустой книжной полке.

– *Я не подведу тебя, брат,* – поклялся, ставя стеклянный шар на место и сворачиваясь калачиком рядом с Кейси. Я крепко обнял ее, а она придвинулась ближе.

Она все плакала и плакала. Мне казалось, это продолжается несколько часов. Я потерял счет времени, просто находясь рядом, поглаживая ее мокрые спутанные волосы и нежно покачивая.

– Все закончилось? – спросила она.

– Почти. Ты можешь спать.

Я плотнее укутал Кейси в одеяло, наблюдая, как ее дыхание становится глубже. Ее грудь поднималась и опускалась длинными ровными волнами. Несмотря на красные пятна и отеки глаза, напряжение покинуло черты ее лица.

Я облегченно выдохнул и выскользнул из постели, чтобы она хорошо выпалась. Оставив дверь спальни приоткрытой, я поплелся по прямому, как стрела, коридору к дивану. Глаза у меня буквально слипались. Когда я опускался на потрепанные подушки, каждая мышца в моем теле протестующе ныла.

– Что за черт, – пробормотал я и отключился на несколько

часов.

Я проснулся глубокой ночью. Пробравшись в спальню, обнаружил, что Кейси все еще спит, глубоко и мирно. Вот тогда и пришло понимание, что с ней все будет в порядке. Она прошла нелегкий путь и теперь оказалась на другой стороне.

Я откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза рукой и сделал еще один вдох, на этот раз слабый и дрожащий.

– *Это было на грани, брат, – признался я Джоне, – но ей это удалось. Она, черт возьми, сделала это. Ты бы очень гордился ею.*

Мои мысли начали расплываться, как капли масла по воде, и сон снова овладел мною.

*«Горжусь Кейси. Она очень сильно тебя любит.
Любит тебя...»*

Глава 7

Кейси

Я проснулась с таким чувством, будто проделала самый длинный в мире марафон, убегая от чудовища, которое пыталось меня погубить. И вот теперь все кончено. Я победила.

Я лежала на спине, полностью утонув в матрасе. Неужели он всегда был таким мягким? Я глубоко вздохнула и прикрыла глаза от слишком яркого света, заливающего окно моей спальни.

Последние несколько дней – три? четыре? – походили на какой-то ужасно извращенный кошмар. При этом я помнила лишь некоторые эпизоды: мокрые от пота и мучительные. А сейчас я чувствовала себя измотанной, выжатой досуха. Кажалось, если попытаюсь заговорить, то буду хрипеть сорванным от крика горлом.

Тедди...

Я кричала на Тедди. Он вместе со мной бежал от чудовища, подхватывая, когда я спотыкалась, и помогая держаться на ногах. Я падала сотни раз, но без него вряд ли смогла бы снова подняться. А прошлой ночью я оказалась на грани того, чтобы разбиться на миллион осколков, пока не почувствовала, как Тео обнимает меня, не давая развалиться на части. Я вспомнила стук его сильного сердца под своим ухом и как умирала от страха, пока он не сказал, что рядом.

И только потом я смогла уснуть.

Я вылезла из постели. Руки и ноги словно налились свинцом, а в голове кровь пульсировала в такт сердцебиению. Тео с закрытыми глазами лежал на диване в гостиной. Слишком высокий для моего потрепанного старого дивана – рука и нога свесились с края – он крепко спал, несмотря на падающие прямо на лицо косые лучи солнца.

Я испытывала некоторую неловкость из-за того, что плясую на него, но ничего не могла с собой поделать. Слишком долго жила одна, и тут несколько ночей назад на Баронн-стрит будто из воздуха материализовался Тео. Я была благодарна ему за то, что пришел. Он просто лежал на моем диване, а у меня выступали слезы на глазах.

Смахнув их, ощупала опухшее лицо. Рассыпавшиеся по плечам волосы напоминали воронье гнездо, и от меня воняло. Сильно.

Поэтому я направилась в свою маленькую ванную. Тихий крик застрял в горле, когда я посмотрела на свое отражение

в зеркале. У меня был такой вид, словно я побывала в драке, и теперь под обоими глазами у меня красовались фингалы. Я прикоснулась к спутанным волосам и засомневалась, не придется ли мне их отрезать.

– Но все кончено, – заверила я свое жалкое отражение. Искусственный свет флуоресцентных ламп поймал блеск в моих глазах. Да, он немного потускнел, но не погас. – Ты сделала это, и все кончено.

Не совсем. Внутренний голос предупредил, что всю оставшуюся жизнь мне придется бороться с желанием выпить, но впервые за долгое время я подумала, что у меня есть шанс. Я вздрогнула, когда тугие водные струи коснулись тела. Душ расслабил мои затекшие и ноющие конечности. За последнее время мои мышцы заметно ослабли, а кожа теперь казалась тонкой, как бумага. Вытершись, я надела свежую пару спортивных штанов и самую старую, самую мягкую футболку, которую только смогла отыскать. А затем водила расческой по волосам, пока рука не устала. В последний раз взглянула на себя в зеркало ванной.

Темные круги, желтоватая кожа, налитые кровью глаза.

Явное улучшение.

Тео все еще спал, когда я проскользнула мимо гостиной на кухню. Посмотрев на часы на плите, я как можно тише начала варить кофе. Однако стоило открыть кран, Тео пошевелился и сел, почесывая лицо и моргая.

– Доброе утро, – поприветствовал он.

– Доброе, – прохрипела я, ощущая, словно по горлу изнутри проходятся наждачной бумагой.

Тео пристально вглядывался в мое лицо.

– Как ты себя чувствуешь?

Я заставила себя немного улыбнуться.

– Как будто в меня врезался грузовик, проехал вперед и сдал назад, чтобы закончить работу.

Тео встал и потянулся, а я полезла в шкафчик за банкой кофе, мыслями погружаясь в туманную путаницу последних нескольких дней, пытаюсь разобраться в воспоминаниях. Попробовав отделить один кофейный фильтр от остальных, я заметила, как дрожат мои руки.

– Дай помогу. – Тео встал и присоединился ко мне на кухне.

– Я чертовски слаба, – с горящими от стыда щеками призналась я. – Измотала себя, принимая душ и воюя с волосами.

– Но ты же это сделала.

Я посмотрела на него снизу вверх. Своим огромным телом Тео, казалось, заполнил всю мою кухню, и все же я никак не могла поверить, что он здесь. Сильный и настоящий, а не плод моего заглушенного алкоголем воображения.

– Садись, – ласково произнес он, положив большую руку мне на плечо, – я все понял.

Выйдя из кухни, я плюхнулась в мягкое кресло напротив дивана. И сидела, обнимая подушку, пока Тео хозяйничал

на моей кухне, как будто уже поселился здесь.

– Я, конечно, рискую показаться полнейшей идиоткой, но когда ты приехал в Новый Орлеан?

– Пять дней назад, – ответил Тео.

Я недоверчиво покачала головой.

– Пять дней, и все они как в тумане. – Я посмотрела на него снизу вверх. – Как ты узнал, где меня искать?

– Мне звонил бармен из Le Chacal, – объяснил Тео, наливая воду в кофеварку. – Майк. Большой И. Он подслушал, как ты с каким-то парнем обсуждала татуировки и все время повторяла имя Тедди.

– И ты все бросил и полетел на другой конец страны.

В воздухе витал запах готовящегося кофе. Я крепче обняла подушку, когда Тео подошел и сел на диван.

– Прости меня, – прошептала я.

– Не надо извиняться, – махнул он рукой.

– Я должна, – проговорила я, вытирая глаза тыльной стороной ладони. – Мне за многое нужно извиниться. Надо же с чего-то начинать.

– Начни позже, – сказал Тео. – Прямо сейчас ты должна попробовать что-нибудь съесть. За все время я не смог влить в тебя больше нескольких чашек воды, вот почему ты чувствуешь слабость. Здесь имеется какое-нибудь заведение, которое тебе нравится?

– В кафе «Руни». Закусочная примерно в трех кварталах отсюда. Я заходила туда пару раз, когда выпивка заставля-

ла меня жаждала жирной пищи.

– Я принесу нам что-нибудь оттуда, – предложил он, направляясь обратно на кухню. – Ты не возражаешь, если я сначала быстренько приму душ?

– Нет. Вперед.

Я услышала, как в чашку наливается свежесваренный кофе, а через минуту Тео вложил его мне в руку. Я сделала глоток и тут же поставила чашку на стол. Слишком горячий. Слишком крепкий. Слишком. Все было слишком, как будто мое тело сделано из рисовой бумаги, внутри и снаружи.

Тео вышел из душа десять минут спустя, в синей футболке, джинсах и ботинках выглядя красивым какой-то мрачной красотой.

– Что бы ты съела?

Я постаралась придумать наименее неприятное блюдо, которое будет легко жевать и глотать.

– Наверное, овсянка подошла бы, спасибо.

Он направился к двери, но вдруг остановился.

– У тебя есть домашний телефон? Для экстренных случаев?

– Нет, у меня только сотовый... – Мой голос затих, когда на меня нахлынуло смутное воспоминание. Под его тяжестью я снова опустилась в кресло. – О боже!

– У тебя был сотовый, – заметил Тео с кривой усмешкой на губах.

– Тедди, мне так жаль...

– Я оставлю тебе свой телефон, – снова прервал меня он.

– Зачем?

– Не знаю. На случай, если тебе станет плохо. – Он пожал плечами и усмехнулся. – Или, может быть, ты захочешь поиграть во фруктового ниндзя.

Я улыбнулась.

– Ты предусмотрителен.

Когда он ушел, в доме стало совсем тихо. Мелкими глотками я попивала кофе и даже сыграла партию в пасьянс, прежде чем решила открыть список контактов. Огромное количество женских имен – в основном только имена – заставило меня с легким смешком закатить глаза. Однако звук застыл на губах, когда взгляд остановился на Дене. Потом следовал Оскар. Домашний телефон Флетчеров. Таня, помощница Джоны. Эме, куратор галереи.

И Джона. Тоже.

Большой палец дрожал, зависнув над кнопкой вызова. Услышу ли я его старое голосовое сообщение? Или Флетчеры его отключили?

«Ты же едва держишься после вчерашнего вечера. У тебя в желудке ничего нет. Ты совершенна одна, тебе не на кого опереться. Не делай этого, ты еще недостаточно сильна».

Я нажала кнопку вызова и медленно поднесла телефон к уху.

«Эй, вы позвонили Джоне Флетчеру...»

Мое сердце раскололось надвое, когда я вспомнила, поче-

му несколько месяцев назад выбросила свой старый мобильник.

«Оставьте мне сообщение, и я вам перезвоню».

Джона казался таким здоровым. Ни прерывистого дыхания, ни усталости, превращающей его голос в шепот. Будто я могу оставить сообщение, и он перезвонит через пять минут. Словно он может войти через парадную дверь, препираясь с братом и держа в руках пакет из «Руни».

«Желаю вам хорошо провести время».

Я все еще плакала, когда вернулся Тео, принеся с собой запах картофельных оладий и яиц.

Он не задал ни единого вопроса, только расставил на разбитом деревянном кофейном столике еду: маленький контейнер овсянки для меня и, кажется все, что нашлось в меню, для себя.

– Я звонила Джоне, – сообщила я, откладывая мобильник на стол. – Имею в виду, на его номер телефона. Голосовое сообщение снова выбило меня из колеи. Так мне и надо, не нужно было вынюхивать. Я очень сожалею об этом.

Густые темные брови Тео сошлись на переносице.

– Ничего страшного.

– Просто... хочу оставаться честной, – пояснила я. – Отныне. Это не так уж много, но... прости меня.

– Эй, – резким тоном произнес он, и я с несчастным видом подняла голову. – Я тоже так делаю, – мягко сказал он. – Все время звоню ему. Просто чтобы услышать голос.

– Я не могла справиться с собой, – проговорила я, вытирая глаза. – Пришлось выбросить свой старый телефон, потому что я звонила ему десятки раз в день.

Тео кивнул.

– Я все еще говорю о нем в настоящем времени.

Эти простые слова, как ни что иное, подняли мне настроение. Наверное, даже больше, чем присутствие Тео, в течение последних нескольких дней не дававшего мне расклеиться. Хотелось признаться ему во всем: почему покинула Вегас, почему напивалась до беспамятства. Однако мужчина рвался к еде.

– Черт, я голоден, – заявил он, роясь в пакетах.

– Ни капли в этом не сомневаюсь, ведь у меня здесь почти нечего есть. Я сидела на жидкой диете. – Я внимательно посмотрела на него. – Ты многое для меня сделал.

– Именно так поступают друзья, – пожал плечами Тео, вгрызаясь в огромную порцию бисквита с соусом.

– Да, они летят через полстраны, чтобы воевать с кричащей и блюющей баньши целых три...

– Ешь, – с нажимом произнес он, указывая подбородком на мою овсянку.

Я негромко рассмеялась, и звук больше походил на скрежет ржавой железки.

– Ну, если настаиваешь.

Я ковыряла свою овсянку. Судя по ощущениям, мое тело вывернули наизнанку, а потом вернули как было, но внут-

ри все-таки все перемешалось. Я отправила в рот маленькую порцию овсянки. На вкус она напоминала теплую пасту с корицей. Через силу съев шесть ложечек, я затем отставила кашу на стол и наблюдала, как Тео с удовольствием поглощает стоящие перед ним блюда. Я подперла щеку ладонью, пряча улыбку, пока он убирал в сторону печенье и принимался за картофельные оладьи.

Тео, должно быть, почувствовал на себе мой взгляд.

– Что такое?

– Я рада снова тебя видеть, – призналась я. – Мне очень жаль, что так сложились обстоятельства...

Он указал вилкой на меня:

– Хватит. Извиняться.

– Такое чувство, что мне есть за что извиниться. – Я взяла свою бумажную салфетку – Как поживает Беверли?

– С ней все в порядке. Насколько можно ожидать в подобной ситуации.

– Она расстроена из-за меня?

– Она беспокоилась о тебе. Как и все мы.

– Мне следовало позвонить ей. Я должна была что-то сказать, но... – Я проглотила оправдания, как горькое лекарство. – Я должна перед ней извиниться.

– Я звонил ей вчера. Сказал, что ты плохо себя чувствуешь, но тебе уже лучше.

– Спасибо тебе.

Он пожал плечами, вытер рот салфеткой и сделал глоток

кофе.

– А как же твой отец? – спросила, ковыряясь в овсянке.

– Он с головой ушел в работу. Уже почти отошел от дел, но все больше времени проводит в мэрии, стараясь быть полезным. Занимает время, пытается отвлечься, я думаю.

– А как ты это делаешь?

– Что делаю?

– Занимаешь время?

– В основном работаю. В последнее время в салоне почти нет окошек в записи.

Я уронила ложку.

– Но теперь ты здесь, со мной.

Тео отбросил свою салфетку и посмотрел на меня тяжелым взглядом.

– Да, все так. И я бы без промедления поступил так снова, так что хватит переживать. – Он слегка улыбнулся, чтобы смягчить свои слова. – Ты нуждалась в помощи, вот я и помог. Ничего особенного.

Это было охренеть как особенно, но я не стала возражать вслух.

– Господи, я даже не знаю, какой сегодня день недели. Я тоже могу пропустить работу, если так дальше пойдет.

– Сегодня среда, – сообщил Тео. – И я думаю, что тебе нужно немного отдохнуть.

– Думаю, ты прав. Можно воспользоваться твоим телефоном?

Я позвонила владельцу Le Chacal и сказала, что сильно заболела и не появлюсь завтра вечером. Вроде как у меня внезапный ларингит. Мой хриплый голос послужил доказательством. Руфус казался лишь слегка раздраженным из-за незапланированного больничного, о котором я сообщила в последнюю минуту.

– И, Руфус?... – попросила я, прежде чем повесить трубку.

– Ну что еще?

– Передай мою благодарность Большому И. Он знает, о чем я.

Я предупредила и других работодателей, что заболела и дам знать, когда смогу вернуться.

«Если я захочу вернуться», – подумала я.

А потом отдала телефон Тео.

– Когда тебе нужно вернуться в Вегас?

– Я планировал вернуться в воскресенье вечером, – ответил Тео, убирая остатки еды. – Нормально?

– Конечно, – кивнула я.

Честно говоря, мысль о том, что снова останусь одна, пугала меня до чертиков. Полностью трезвой и не разбитой вдребезги я пробыла только полдня. Тео собирался провести здесь еще два, так что я решила за это время разобраться со всем дерьмом, что происходило в моей жизни. Однако я была слишком утомлена, слишком умственно и физически истощена, чтобы что-то предпринимать.

– Завтра я, может быть, покажу тебе Новый Орлеан, – по-

обещала ему. – Прямо сейчас я очень устала. Не хочешь посмотреть фильм?

– Конечно. Я не знаю, помнишь ли ты, но «Грязные танцы» крутят по кабельному телевидению. Это ведь фильм восьмидесятых, верно?

Я улыбнулась.

– Классика. Я бы с удовольствием посмотрела еще раз.

Он включил мой небольшой плоский телевизор и нашел фильм по запросу.

– Я даже не знала, что у меня есть кабельное телевидение, – заметила я.

– Это значит, что ты платишь по счетам, – подбодрил Тео.

– Да, наверное, так и есть.

Тео сидел на диване, положив руки на спинку и широко расставив ноги, а я разместилась в кресле. Однако оно было ужасно неудобным, кроме того внутри меня как прежде проснулось непреодолимое желание прикосновений. Мое тело казалось маленьким и хрупким, нуждающимся в защитных объятиях другого человека. Я проклинала себя за то, что выглядела настолько жалкой. Тео видел меня в самом худшем состоянии – истеричной и больной, голой и блюющей – и все это время оставался со мной. Мне хотелось попросить его сесть поближе, но я не решилась. Вероятно, моя неуверенность сейчас объяснялась тем, что я была трезва.

Однако собравшись с силами, я все же позвала:

– Тедди?

– Что?

– Ты не возражаешь, если я посижу рядом с тобой?

Он внимательно посмотрел на меня. Какая-то необъяснимая нежность промелькнула в его глазах, а затем растаяла на лице, смягчая жесткие черты.

– Если хочешь.

Он отодвинулся в сторону, и я свернулась калачиком рядом с ним. Не касаясь, но очень близко. Я чувствовала тепло его тела и вдыхала чистый запах его кожи. Как раз в то время, когда Бэби и Джонни практиковались в озере, моя голова начала наклоняться, а глаза – закрываться.

– Иди сюда. – Тео обнял меня за плечи. Он еще глубже погрузился в диван, положив мою голову себе на грудь. Потянулся рукой, чтобы снять одеяло со спинки и накинуть его мне на ноги. – Спи, – приказал он.

Я вздохнула, прижалась к нему и уплыла в сновидения.

Глава 8

Тео

На следующее утро Кейси вышла из своей комнаты, выглядя в миллион раз лучше, чем всю прошлую неделю. Румянец снова украшал ее щеки, а волосы были причесаны. Она больше не обесцвечивалась, сказала, что решила вернуться к естественному цвету, и теперь стала кем-то вроде медовой блондинки.

– Я была слишком пьяна, чтобы осветлять волосы, – призналась она, отложив бейгл с луком, чтобы рассмотреть прядь волос. – Не видела этого цвета с четырнадцати лет. Выглядит по-дурацки.

«Выглядит охренеть как потрясающе», – подумал я. Странный цвет ее глаз: светло-голубая радужка, окольцованная темно-синим, казался более ярким на фоне медно-золотых волос.

Я пожал плечами над своей чашкой кофе.

– Выглядишь хорошо.

Кейси улыбнулась и продолжила болтать.

– Как поживают Оскар и Дена? – поинтересовалась она.

– Обручились.

Она выпрямилась в кресле.

– Неужели? Он наконец-то задал этот главный вопрос?

– Да.

– И как он сделал предложение?

– Привез ее в Большой Бассейн несколько месяцев назад.

Не совсем сюрприз, но это его любимое место.

– Это прекрасное место. – Кейси будто ушла в себя. У нее был взгляд человека, который проваливается назад во времени. – Я считала, что полностью выбросила из головы ту поездку в Большой Бассейн. Должна была это сделать. Она была слишком прекрасной. В первый раз, когда мы с Джоной... – она посмотрела на меня сквозь слезы и засмеялась, – ну, ты же знаешь.

Мое лицо оставалось бесстрастным.

– Да, я знаю.

– И что самое невероятное, – заметила она, – я старалась все забыть, но это воспоминание, в конце концов, вывело меня из состояния депрессии. Интересно, почему?

– Потому что оно очень яркое. Как ты и сказала, несмотря на то, что заблокировала всю поездку. Вчера утром ты открылась ему. Подняла пресловутые шлюзы.

Она легко рассмеялась.

– В прямом и переносном смысле. Я выгляжу так, словно проиграла боксерский поединок.

– Ну, теперь уже лучше.

– Мне все еще больно. Действительно чертовски плохо. Но это совсем другой вид боли. Эта как-то чище. Как будто я могу плакать, если нужно, но могу и остановиться при желании. Раньше у меня такого не было. Наверное, поэтому я пила. Чтобы ничего не чувствовать. С алкоголем мне не приходилось постоянно бороться с болью. Она казалась мне слишком утомительной.

Между нами повисло короткое молчание.

– Ты не хочешь выбраться куда-нибудь? – вдруг спросила она. – Я живу в этом городе уже шесть месяцев и до сих пор его не видела.

– Если ты готова к этому.

– Думаю, что да. Я чувствую себя лучше. И мне кажется, что ты проделал весь этот путь не для того, чтобы просто сидеть дома.

– Я бы не прочь прогуляться.

– Супер. – Кейси соскользнула со стула, все еще двигаясь с осторожностью, словно боялась разбиться. – Пойду одеваться.

Мы въехали во Французский квартал и припарковались рядом с Джефферсон-сквер. Взяв меня под руку, Кейси указывала на различные достопримечательности: собор Святого Луиса, музей, художественная галерея. Однако мои глаза все время были прикованы к ней. Она надела темные джинсы и огромный темно-серый свитер, оставлявший оголенным одно плечо. Похоже, ей нравился этот стиль.

Ее волосы рассыпались и сияли, как начищенная медь, и от нее так пахло, что у меня путались мысли.

Кейси была прекрасна. Идя с ней под руку, легко было притвориться, что ее налитые кровью глаза, осунувшееся лицо и хрипота в голосе вызваны болезнью. Просто ошибка, которая вырубилась у нее на некоторое время. Но теперь уже все хорошо. Мы вышли прогуляться. Мы...

Вместе?

«Держи себя в руках, – приказал я себе. – Прежде чем сотворишь какую-нибудь глупость».

В такой обстановке куда-то исчезла подавленность. Новый Орлеан жил своей жизнью и ощущался совсем не так, как Вегас. Мой город широко открыт и полон огней. Новый Ор-

леан крепко держался за прошлое. Центр города представлял собой лабиринт старинных зданий с коваными железными решетками и французскими флёр-де-лис. Мы проходили мимо клубов и кафе, ресторанов и баров. Бар в каждом квартале. Забегаловка на каждом углу.

– По сути дела, это худшая часть города для выздоравливающих алкоголиков, – заметила Кейси.

– Ты хочешь уехать? – спросил я.

Она на мгновение прикусила нижнюю губу.

– Нет. Я хочу пойти туда.

Я проследил за ее указательным пальцем, указывающим на крошечный магазинчик с бусинками и разноцветными лампочками, развешанными вдоль витрины. На стекле была нарисована белая рука с глазом на ладони, а над ней красным неоновым выведено *«Гадание по руке и таро»*. Ниже красовалась надпись *«Любовь, судьба, предназначение»*.

Я нахмурился.

– К экстрасенсу?

– Просто чтобы посмотреть, что это такое, – объяснила она. – Я любила карты таро, когда была подростком. И в Новом Орлеане есть что-то особенное. История каджунов, традиции вуду. – Она резко расправила плечи. – Думаю, это замечательно.

Впервые с тех пор, как мы вышли погулять, ее голос прозвучал более грустно. Этого оказалось достаточно, чтобы позволить ей затащить меня в крошечный магазинчик.

Когда мы вошли внутрь, над дверью зазвенел колокольчик, и в ноздри буквально ударил запах ладана. Тускло освещенная прихожая выглядела как парадное фойе дома, с тяжелыми пурпурными занавесками с золотой бахромой, которые отделяли лавку от жилого помещения. Справа от входной двери стоял небольшой круглый стол с четырьмя стульями. На еще меньшем столике разместились подносы с бусами, грубо вырезанными кристаллами, кусками дерева с выцарапанными на них рунами. Старые книги выстроились вдоль полок, а между ними висели ловцы снов, соломенные куклы вуду и красочные рисунки сахарных черепов: большие смеющиеся лица, одни из которых были в шляпах и курили, а другие – в свадебных платьях с соломенными волосами и зашитыми губами.

Хиромантия и экстрасенсорные способности звучали для меня как полная чушь, но мне все равно понравилась атмосфера этого места.

– Разве здесь не круто? – оживилась Кейси, отпуская мою руку и проводя пальцами по пурпурным кристаллам на подносе.

Тяжелая занавеска отодвинулась в сторону, и из-за нее вышла хозяйка лавки. Я ожидал увидеть мадам в тюрбане с хрустальным шаром под мышкой. Или, может быть, гластастую профессоршу из «Гарри Поттера».

Эта женщина не оказалась ни клишированной цыганкой, ни сумасшедшей со странными волосами.

На вид ей было лет сорок пять, на концах ее длинных косичек висели разноцветные бусинки, которые издавали звук при каждом движении. Ее одежда из волнистого шелка выглядела вполне современной, а с ушей у нее свисали толстые золотые кольца.

– Добро пожаловать, – заговорила она ровным голосом, – меня зовут Оливия. Вы пришли для того, чтобы я предсказала вашу судьбу?

– Мы просто посмотрим, – пояснила Кейси, – у вас прекрасная лавка.

Оливия улыбнулась и прошла через комнату к маленькому столику.

– Очень любезно с вашей стороны. Но вы ведь не для этого сюда вошли, не так ли?

Я с трудом удержался, чтобы не закатить глаза, с самых первых слов понимая, что начинается рекламная кампания.

– Проходите. Садитесь, – Оливия указала на два пустых стула у своего стола и достала из кармана мантии колоду огромных карт. – Вам ведь любопытно, да? Может быть, немного заинтригованы?

– Не совсем, – произнес я.

– Да, немного, – одновременно со мной сказала Кейси.

Женщины рассмеялись, а гадалка принялась постукивать длинными красными ногтями по стопке карт.

– Полное чтение стоит двадцать долларов. Три карты – десять. Одна карта – всего пять. Лишь малое из того, что я

могу вам предложить.

– Считывание одной карты звучит не так уж плохо, – заявила Кейси.

– По пятерке за штуку. Это дешево, да, за руководство и мудрость Другой Стороны.

То, как голос Оливии благоговейно произносил это название, свидетельствовало, что это самое подходящее место для нее. Я почувствовал, как рука Кейси скользнула в мою, а потом она потянула меня к столу.

– Всего одну карту, Тедди. Будет весело.

Чувствуя себя идиотом, я сел рядом с Кейси за слишком маленький столик, пока Оливия тасовала карты. Их рубашки были черными с золотой окантовкой. После того как гадалка перемешала колоду по своему вкусу, она разложила карты веером на столе.

– Они предсказывают будущее? – с сомнением поинтересовался я.

– Полное чтение скажет, где вы были, где находитесь и куда направляетесь, – заявила Оливия. – Одна из карт дает моментальный снимок настоящего. Понимая, где находитесь сейчас, вы можете более ясно увидеть то, что ждет впереди. Ясность – это цель. Стереть туман неуверенности... иногда это все, что нужно, чтобы принести небольшое облегчение расстроенной душе.

Последние слова она адресовала Кейси, и та с надеждой кивнула.

– Итак, – просияла Оливия, – кто первый?

– Он, – решила Кейси.

– Э нет, я вообще не собирался этим заниматься, – попытался откреститься я. – Это касается только тебя.

Гадалка от души рассмеялась, когда Кейси толкнула меня под руку.

– Да ладно тебе, Тедди. Что ты теряешь?

Я посмотрел на девушку, на ее ярко-голубые глаза, блестящие в полумраке магазина, и испустил вздох поражения.

– Ладно-ладно.

Эти чертовы глаза. Оливия провела пальцами по картам.

– Выбери одну и положи ее перед собой.

Полагая, что большинство людей достают из середины и гадалка, вероятно, рассчитывала на это, я выбрал крайнюю правую часть колоды. Перевернул карту, на которой был изображен висящий вверх ногами на ветвях Т-образного дерева человек.

– Повешенный, – сообщила Оливия, сгребая карты обратно в аккуратную стопку, а мою оставляя на столе, – это меня не удивляет.

Я снова подавил желание закатить глаза. А Кейси рядом со мной наклонилась вперед.

– И что это значит?

– Повешенный представляет собой окончательную капитуляцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.